

Шестеренки судьбы

Annotation

Я — магженер. Я попала в плен к пиратам — к счастью, в мужском костюме. Я должна выбраться из каменоломни, пока никто не узнал, что я женщина. Я должна выполнить обещание. Я должна выжить и вернуться в университет. Но каких интересных людей подкидывает мне судьба по дороге!

Меня разбудил удар по лицу. — Эй, щенок, не спать!

Кажется, я уснула, опираясь на тачку. Тряхнув головой я толкнула переднее колесо между камней. Я забылась на те краткие мгновения, когда такие же усталые люди насыпали в тачку битый щебень. Только в отличие от меня все они были мужчинами. Мне не хотелось и думать о том, что стало бы со мной, будь я в платье, когда пираты брали на abordаж наше судно.

По слухам, молодых женщин продавали в южные края любителям собрать коллекцию из наложниц. Это само по себе совершенно не та будущность, о которой я мечтала. Но кто знает, что придет в голову толпе пиратов с женщиной на корабле... Девственниц могли бы пожалеть, чтоб продать подороже, но чего нет, того нет. Нет уж, пусть тачка, щебень в каменоломне, палящее солнце, вода и хлеб только чтоб не помереть.

С корабля не сбежать. В южной стране и подавно сбежать не получится — чужака, не знающего языка, мигом поймают. А здесь у меня есть шансы.

Только не сдаваться. Только не стать серой тенью, потерявшей всякие желания, кроме простейших: есть, пить, спать, избежать боли. Таких теней много вокруг. Кто-то заслужил — каменоломни скупают неисправимых преступников. Но многих захватили как меня. И такие, как я, добропорядочные подданные, ломаются быстрее. Мои попутчики с "Дикой сирены", кто ходил со мной по одной палубе и сидел на столе в кают-компании, теперь передвигаются испорченными куклами с тусклым взглядом и серыми лицами — не только от пыли серыми. Даже умой их, серость не пройдет.

Каждое утро я начинала с напоминания самой себе, кто я такая, и чего хочу.

Я — Виола Блум. Мне двадцать два года. Мой батюшка — редактор городской газеты, матушка занималась в той же газете корректурой. Я — магженер. Я закончила годовой курс магической академии Бристона, второго города Шалпии, магически богатого государства. Проработав год младшим магженером в строительной компании, я решила поступить в университет соседней Риконбрии — островного государства, которое вынуждено экономить магию, чтоб не иссушить источник. Зато риконбрийцы развивают немагические дисциплины. Их академии учат магов, как в Шалпии, но университеты преподают для обычных людей. В последние годы стало модным изучать оба направления. Мне тоже стало интересно, какие новые горизонты откроются после трех лет в университете.

Я написала матушке с батюшкой, что уезжаю учиться, проехала всю Шалпию и села на судно, которое курсировало через море между Шалпией и Риконтийским островом. Моих сбережений должно было хватить на первый год обучения, но я подрабатывала в том же университете. За работу на университет мне уменьшили плату вдвое.

По выходным я выходила в город. Мне пришлось заплатить в магистрате пять золотых за лицензию на мелкие ремонтные работы с использованием магии. Я могла, не разрывая земли и не портя стен, закрыть трещину в трубе водопровода, я могла заставить цемент пополти глубже, прежде чем застыть в прорехе. Я могла заставить грязь в забитом стоке стать жиже и рыхлее, чтоб ее смыло дальше и освободило проток. Это требовало немалой части моей магии, но в учебе мне магия все равно была не нужна, а до следующих выходных я восстанавливалась.

Податей с магических работ уплачивалось больше, чем с обычных, и они стоили они поэтому дороже. Так что, и желающих на магические работы было меньше. Но у меня было преимущество: я женщина.

Нет, это совсем не то, что можно подумать. Уже в первый же месяц меня позвали починить водопровод у молодой жены местного богача средних лет. Затем я все выходные провела, восстанавливая фонтан в особняке семьи с тремя дочерьми на выданье, затем работала в семье с двумя девочками-подростками. Вскоре у меня были расписаны все выходные на три месяца вперед.

Молодые магженеры и инженеры мужского пола, которые обычно занимались подобными делами или присматривали за работниками, считались погибелью для женского пола. Не одна юная дева соблазнилась точными движениями и живым умом инженеров, а в случае магженеров это опасное сочетание приправлено искрящей магией. Отцы и мужья старались оградить дочерей и жен от соблазнов, и немногие магженерши и инженерши были нарасхват, даже не доучившись до конца. А у меня уже был диплом магической академии.

Но что такое молодой инженер для юных дев, я познала на себе. Риан был хорош собой, умен, остроумен и ловко управлялся с инструментами безо всякой магии. Что карандаш с линейкой, что клещи с молотком танцевали в его руках. Он учился на год старше меня и тоже был занят работой на выходных. Семья Риана могла обеспечить его достаточно, но он собирался набрать клиентов для будущего дела, еще учась в университете.

И все-таки мы находили время, чтоб встречаться и мечтать о будущем. На мне не было традиционного кольца с рубином в виде сердца — официальную помолвку мы оставили на лето, но Риан называл меня невестой. Он собирался остаться в Байроканде после выпуска, а я через год присоединюсь к нему в семейном деле, подхватывая его прожекты там, где без магии обойтись сложно.

Риан удивился, что стал моим первым мужчиной: магички из горожанок редко блюдут себя и обычно заводят кавалеров еще в академии. Но не встречалась ни с кем, пока не познакомилась с Рианом.

Тачка застряла между камней, и я пнула ее изо всех оставшихся сил, представляя, что передо мной поджарый зад бывшего жениха.

В тот день, когда он получил университетский диплом, его матушка и батюшка приехали на торжество. Риан намеревался представить меня родителям, но вместо этого любимый отвел меня в сторону и взял за руки: — Милая, я пытался поговорить с отцом, но он непреклонен. Он настаивает, чтобы я женился на дочери его партнера. Они с матушкой напрочь отказались даже знакомиться с тобой! — О... я подожду, пока ты их не переубедишь. А если нет, что ж, инженер и магженер вполне справятся своими силами... Риан?

Парень отвел глаза: — Пойми, я не могу расстраивать семью! Но поверь, это ничего не изменит между нами. — Он глянул на меня. — Ну же, Виола, ты же маг. Как говорят в академиях: что можно магичкам, нельзя никому. Ты ведь любишь меня, правда? Если ты меня действительно любишь, нам ничем не помешает мой брак. Я все равно собираюсь остаться в Байроканде. Я дам жене все, что ей нужно, и ей придется смириться, что у меня...

Я не дала ему договорить, вырвала руки из его ладоней, залепила пощечину, развернулась на каблуках и зашагала, не пытаясь сдерживать бегущих слез. — Подумаешь, цаца какая! Ты магичка, все про вас всё знают! — прокричал этот мерзавец мне вслед.

Моей подушке досталось в тот день. Она летала по всей комнате от моих пинков, а керосиновая лампа покосилась — я сливала в нее бурлящую магию, и стекло с металлом несколько изменили свою форму.

Я хотела к маме. Работая по выходным я скопила достаточно, чтоб на месяц летних каникул съездить в Шалпию, и еще остались деньги на будущий год. Я усмехнулась, вспоминая, как мечтала потратить эти золотые на устройство совместного с Рианом хозяйства. А... пошел он служкой к демонам!

Поезд до побережья идет три дня. Потом три дня по морю. Я сяду на любой корабль, хоть и грузовой, но накинем еще день на ожидание. Потом еще три дня на поезде в мой родной город. Десять дней дороги туда, и десять дней обратно. Летние каникулы длятся месяц. Я развеюсь и увижу родителей. Решено.

Для путешествий я переодевалась парнем во избежание бед, которые могут приключиться с молодой одинокой женщиной. Выйдя за ворота университета, я прошлась по лавкам, купила одежду небогатого, но уверенно себя чувствующего горожанина, и сменила платье, сняв номер в приличной таверне. Как могла, обрезала волосы сама, потом зашла в цирюльню, чтоб подравняли. Шиньон я хранила еще со времен приезда в университет — добиралась сюда я таким же образом. Когда придет время переодеваться в платье, нацеплю чужие волосы поверх своих.

Тот, в кого я перевоплотилась, мог работать клерком и поверенным. В таком виде я приехала на поезде в порт и на следующий день села на "Дикую сирену".

На второй день плаванья к нам подошел корабль под флагом военного флота Риконбрии и просигналил лечь в дрейф. Из портов недобро торчали дула магтир, и капитан поспешил отдать приказ. В эти невзрачные латунные трубки заряжается шарик с огненной магией, и с ними лучше не шутить. Они не такие действенные, как появившиеся несколько лет назад магострелы, но пожаром на корабле рисковать никто не будет. Капитан узнает, что им понадобится, покажет документы, груз, и мы поплывем дальше.

Я магженер — это значит, что у меня хорошо развита магия разных материалов, особенно та, которой можно распознавать нити магии, чтобы собирать механизмы наилучшим образом, знать, куда приставить накопитель, и видеть, как потечет сила в механизме. Когда военный корабль к нам приближался, я посмотрела на него магическим зрением. Многого издали было не видеть, но и то, что я рассмотрела, заставило меня рвануть на мостик.

— Капитан! Господин! — Парень, капитану не до твоего любопытства, — попытались меня остановить. — Это пираты!

На мостике стало тихо. — Что ты сказал? Откуда? — первым отмер капитан. — Я магженер. Этот корабль сделан не в Риконбрии, это южная школа! Смотрите, на борту следы старого названия!

Повисло потрясенное молчание.

Обычно я представлялась парнем шестнадцати лет, но сейчас никто не обратил внимания на то, что магженер как-то молодо выглядит.

Корабль неотвратно приближался. — Нам не уйти, — глухо проговорил помощник капитана. — Нас возьмут на абордаж, и нам не уйти.

Мы смотрели на увеличивающийся корабль, и короткий красноватый блеск внизу мачт подсказал мне приглядеться еще раз. Да, есть шанс. Не у меня, но есть. Здесь, в море магия разряжена, а если отойдем от берегов Шалпии, ее и вовсе не будет. Я вычерпаю почти весь запас магии, но я дам шанс остальным.

А может, и себе?

Мысли быстро щелкали в голове как костяшки счетных дощечек. Если возьмут весь корабль, неминуемо

возьмут и меня. Но пассажиров много. Что толку от худосочного парня? Могут и утопить за ненадобностью вместе с другими негодными особями. Мужчин оставляли только крепких для работы, да маленьких мальчиков — продать бездетным парам. Но если я попытаюсь спасти хоть часть пассажиров, я сама буду ценной добычей за неимением другой. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Облизнув пересохшие от волнения губы я проговорила: — У них медная заплатка на грег-мачте. Я маг. Я могу ее убрать, когда меня... когда буду ближе. Вы справитесь с теми, кто перепрыгнет на "Сирену"? — Да, но магиры нас расстреляют. — В них нет магии. Пиратам неоткуда взять заряды! Они только для остротки торчат!

Уж это я отлично видела на таком расстоянии.

Капитан переглянулся с помощником, и мне кивнули. Я развернулась к лестнице. — Парень, а как же ты? — донеслось мне вслед.

Но я уже бежала вниз, пригнувшись, чтоб меня не заметили с пиратского судна. Не нужно, чтоб у них возникали вопросы, о чем я говорила с капитаном, особенно, когда я устрою им... то, что устрою.

Я прокралась вокруг толпы пассажиров, которая собралась по правому борту и глазела на приближающихся "военных". Лавируя между недовольными лордами, леди и господами, я протиснулась вперед, но не к самим бортам. Меня должны захватить одной из первых, но получить абортажный крюк в грудь мне не хотелось.

Когда между бортами оставалось всего ничего, под истошные вопли пассажирок взвились веревки с хищно растопыренными металлическими когтями. Пять из них впились в борта, шестой — в слишком близко стоявшего господина. Люди заметались, и я пожалела, что встала так близко — могли затоптать.

Но на борт вскочил пират и зычно крикнул: — Тиха! Не двигаться! — и первым прыгнул на "Сирену". За ним вскочило еще около дюжины.

Я прикинула расстояние до мачты. Нет, отсюда не дотянусь. Мне стало страшно. Но решение принято. Если в сравнении с другими пассажирами меня сочтут непригодным парнем и выкинут за борт пусть бы и живой, посреди моря я долго не продержусь.

Два офицера вышли вперед и изобразили покорность судьбе, попросив забрать груз, но не трогать пассажиров. — И груз, и крепких мужиков, и баб по-красивше, и кораблик ваш нам очень нравится, — осклабившись ответил громкий пират. Оглянувшись на своих, он крикнул: — Принимайте! Кто не надобен, тех сразу за борт.

Меня в числе первых подтолкнули к борту, заставляя перелезть к пиратам. Я зацепилась за веревку, попробовала удержаться на ногах, стоя на перилах, но от толчка волны полетела вперед и покатила по палубе в сторону мачт. Вокруг раздался хохот. Утирая расквашенный нос и слезы я поднималась, прислонясь к бухте каната. Мачта была совсем недалеко. Заплата держалась на клепках. Клепки. Одна за другой. Одна за другой. Я их чувствовала как свои пальцы. Одну за другой. Только бы не заметили до срока. А что у нас под заплатой? Трещина. Чуть расширить. Я хорошо чувствую дерево. Чуть надавить. И клепки. Одна за другой.

Когда послышался треск, я нырнула к какому-то ящику и замерла. Вокруг закричали. Меня накрыло белым полотнищем.

Ругань, крики, рывкающие команды... Мне стало так страшно, что я попыталась сжаться в мелкую горошину. С "Сирены" доносились вопли, проклятья, визг, помощник капитана орал: "Топоры!", кто-то закричал страшным криком от боли, послышался плеск, капитан приказывал: "Лево руля!" На пиратском корабле догадались: "У них маг!" но подумать, что маг — это трясущийся от страха мальчишка с разбитым лицом, который сжался в комочек под упавшим парусом, они не могли.

Меня вытащили из-под парусины, и я увидела, как "Сирена" быстро уходит прочь, а на палубе теснят к бортам оставшихся двух пиратов. Больше мне смотреть не дали. Мелькнуло чье-то разъяренное лицо, и я тут же упала назад на парус от удара по лицу. — Стой! У нас и так товара мало, не порть щенка. Хоть пару серебряков выручим.

Нас было семеро, тех, кого успели захватить пираты. В трюме сидела еще дюжина. За два дня пути осталось меньше: мастеровой пытался сопротивляться, требовать, чтоб его вернули в Шалпию, и его попросту кинули за борт. В господине из городских заподозрили мага и сразу же убили. Магов, конечно, можно продать в рабство в маломagicкий Леосс, где источник еле теплится, поэтому магов рождается мало, но моряки были суеверны по отношению к магам и на кораблях не терпели, за исключением пассажирских. И то — посматривали с подозрением.

К моему большому счастью удобства на этом корабле были скрыты с глаз публики. Больше всего я боялась тех дней, когда организм проявит мою женскую сущность, и тогда мне лучше прыгнуть за борт и молить милосердных акул. Но я очень надеялась, что у меня есть еще месяц.

В академии я сдружилась с двумя студентками магистратуры, лекаршей и магтефактором. Дар магтефактора схож с магженерным, с тем отличием, что магтефакторы учатся ювелирной работе с мелкими устройствами. Две подружки попросили меня быть подопытным кроликом для их общей дипломной работы и к весне вживили мне артефакт, который мог отодвинуть наступление женских неудобств на месяц-другой. Мне это было весьма кстати,

поскольку магженеры не только проектируют сооружения. Магженеры присматривают за производством важных конструкций и часто выезжают проследить за строительством, лично соединяя критические узлы. И порой случается это в таких местах, где женщине добраться до ванной весьма непросто.

Работали мои подруги тайно, хотели показать, на что способны без подсказок преподавателей, и привели меня на лекарскую кафедру, гордые собой.

Как же кричала на нас декан лекарского факультета! Забросив все политесы эта благородная дама называла изобретательниц "дурами малолетними" и "безголовыми девками хуже селянок", ну и меня заодно. — Вы могли ее бесплодной оставить! Вы могли спровоцировать опухоль! Ей теперь раз в полгода обязательно проверяться у маглекаря! Где была ваша голова, хотя бы одна на двоих?

Но артефакт признали годным для работы, только включать его просили не чаще, чем дважды в год.

Магии он тянул совсем чуть-чуть, и я посчитала, что моих оставшихся сил хватит на месяц. В море у Шалпии еще было немного магии, и я могла потихоньку подпитываться, но вскоре мы отошли далеко, и все. У меня было только то, что накопилось внутри, и за вычетом магии, которую я потратила на мачту, осталось совсем мало. Слабосилки в этих условиях работать не могут, сильные маги работают слабо. Я лишь надеялась, что мои расчеты верны, и мне не придется топиться в океане или бросаться вниз с кручи, если мой организм меня подведет.

Нас продали в каменоломни. Здесь добывали редкий красивый камень: зеленый, синий, изумрудный с разноцветными прожилками. Его отбивали от серой породы кусками с голову человека, а то и больше, и отправляли раз в неделю кораблем. Да, кораблем. Потому что привезли нас на остров. Первые два дня я впала в отчаяние, потом начала думать. Заплыть подальше в море и дожидаться хищных рыб я всегда успею.

Прошла неделя. Я выяснила, что рабы говорили на моем родном шалпийском и на риконбрийском, который я достаточно неплохо знала. За риконбрийку, конечно, не примут, но все-таки училась я на этом языке.

Мои спутники, прибывшие со мной с "Сирены", сломались.

Лорд в бежевом сюртуке, который еще недавно с надменным видом аристократа сидел на палубе первого класса, едва прибыв на остров безропотно отдал сюртук сбитой компании старожил, три дня оглядывал все вокруг неверящим потерянным взглядом, а после первых же тумачков стал покорно выполнять команды шайки разбойников — их поймали вместе, судили вместе и продали вместе.

Хитрый приказчик, бывший мелким карточным шулером, в первый же день проиграл всю одежду, кроме исподнего и саму колоду карт. Последней ставкой его вынудили поставить самого себя, и после проигрыша главарь, смеясь, наклеил ему на лоб шестерку пик.

Остальные смешались с толпой и вскоре ничем от них не отличались ни поведением, ни серостью лиц. Все понимали, что здесь мы и останемся. Формально остров принадлежал одному из северных королевств, но как я поняла из разговоров, добычу здесь вели, не сообщив властям. Никто о нас не знал, никто сюда не приплывет.

У меня осталось три недели, чтоб сбежать.

Я изучила порядок на острове. По ночам рабов держали в двух пещерах. Нас и не охраняли особо — а куда мы денемся? Запирался только дом, где жили надсмотрщики и хранили кирки, лопаты и весь прочий инвентарь, который можно использовать как оружие. Корабли приходили днем, вставали на рейд недалеко от берега, и новых рабов привозили на лодках. Ящики с камнем спускали по веревке со скалы, которая нависала над небольшой глубокой лагуной, окруженной такими отвесными скалами, что подойти к воде невозможно. Уходило судно до заката.

Но днем весь остров просматривался. Нагромождение скал было не столь велико, чтоб спрятаться и незаметно пробраться... куда? До корабля по свету тоже не доплыть. Увидят, догонят на лодке и убьют веслом. С лодкой я одна не справлюсь, но и толку? тоже догонят. А что делать на корабле? сколько придется прятаться, и удастся ли?

Я могу прожить несколько дней без еды. Без воды сложнее, но если очень нужно... Единственный путь отсюда на корабль — в ящике. Но кто-то должен помочь забраться, забить стенку снаружи и остаться на острове. Чтоб вынуть гвозди из пазов я чуть сил выделю — потрачу пару дней из оставшихся на работу артефакта. Но где найти такого помощника? Звезды, подскажите!

Кажется, меня услышали. Через два дня Звезды сложились так, что я оказалась рядом с кашляющим сидящим господином средних лет. Он старался прятать рот, но я все равно увидела кровь, которая появилась после кашля на ладони. — Вам недолго осталось.

Тот кивнул: — Выдашь?

Я помотала головой. — У вас кто остался там?

В глазах на сером лице господина блеснули слезы: — Мы ехали с дочерью. Ее... — он отвернулся, — отвезли на юг. Больше у меня не осталось никого. — Если вы мне поможете, я стану искать вашу дочь. — Отсюда не убежать. И уж прости, парень, но я тебя не знаю, и веры тебе никакой.

Ох. Была — не была. Придется еще потратить магию и потерять день из оставшихся. — Как вас зовут? — Мэйсон Стейдж. — Господин Стейдж, я могу поклясться на магии, что если вы мне поможете бежать, я не успокоюсь, пока не найду вашу дочь, и не доставлю ее к родным.

В глазах господина блеснуло что-то живое. — Правда, что ли? Риви. Мою дочь зовут Риви, — прошептал он севшим голосом. — Что ты задумал, парень?

Мы говорили несколько раз, чтоб не привлекать внимание ни надсмотрщиков, ни компаний старжилов-каторжников. Но чье-то внимание мы все-таки привлекли.

По нужде я выходила ночью, неслышно пробираясь между спящих тел. Нас привезли, когда луша шла в рост, но думаю, что нужник можно было бы найти даже в безлунную ночь по запаху. Только ступать пришлось бы осторожно. В ту ночь светила полная луна. Было видно, куда идти, но и меня было бы видно. Я старалась прятаться по теням. — Интересный ты пацан, — сказала одна из теней, и я едва не упала в расселину — неглубокую, но ногу сломать хватило бы. Из тени высунулась рука в лохмотьях и затащила меня во мрак. Когда глаза привыкли, я разглядела молодого карманника, невысокого жилистого парня, которого прислали не так давно, но еще до нас. — Видать, пираты твои строгого порядка, иначе продали бы тебя на юг любителям мальчиков.

Я вздрогнула. Первый же любитель мальчиков перепродал бы меня любителям девочек. Повезло мне.

Карманник меж тем взял меня за подбородок и провел пальцем по верхней губе. — У пацанов вроде тебя уже щетинка есть.

До расселины два шага. Я толкну его, доберусь вон до той груды камней, а за ней тропинка к океану. Я заплыву достаточно далеко. Эх. Знала бы, что вчера был мой последний закат, полюбовалась бы.

Карманник неожиданно схватил меня рубаху на груди, рванул на себя и нагло заглянул в вырез. — Повязка на сиськах, — удовлетворенно сказал он. — Так я и думал.

Магии на то, чтоб прижечь его хотя б искрой, у меня уже не хватало. Было б на нем что-то металлическое, я могла бы расплавить кусочек — при доступной магии, конечно. Но увы. И все-таки девушки-боевички в магической академии учили студенток не только магической защите.

Я ударила карманника под колено и толкнула в плечо по направлению к трещине. Но парень оказался серьезным противником: повернувшись он перехватил меня за талию с другой стороны и впечатал спиной в скалу. Я не успела ничего сделать, как мои запястья оказались перехваченными над головой, а его колено прижимало меня, вклинившись между ног. Теперь он явственно ощущал, что я не мужского пола. Я не могла видеть его лица в тени на фоне освещенного пейзажа, но по голосу было слышно, что парень веселится: — И долго ты собиралась прелести прятать? — Я не дамся, — прошептала я, прикидывая, хватит ли сил, чтобы оттолкнуться от скалы и пролететь до расселины вместе. — Нужна ты мне больно, — неожиданно сказал карманник, убрав колено. — Господин тоже любитель мальчиков?

Что я несу? Зачем я его злю? Но карманник неожиданно рассмеялся — тихо, чтоб не привлечь внимания тех, кто мог бы проснуться.

— Господин не любитель кричащих и дерущихся девок. Хотя нет, иногда они кричат, — и скабрёзно хмыкнул. — Что вам от меня надо? — Для начала — расскажи, как ты собиралась дальше быть? Лишних тряпок тут не водится, воды — только напиться. — У меня есть три недели, — буркнула я. Обсуждать такие вещи с женщиной я не собиралась.

Он отпустил мои руки. — А потом? Придумала что? Я видел, как ты шепталась с Мэйсоном, который харкает кровью. Рассказывай.

Я молчала. — Дура! Если ты валишь отсюда, вдвоем больше шансов! Мне тоже валить надо. Не трону я тебя, сказал же.

А ведь он живой. Он не впал в серую апатию, он еще сопротивляется. Я вздохнула и рассказала наш план. — Значит, ящиков будет два. А что делать станешь, если твой ящик на корабле затрет между другими, ты не думала? И тебе попросту не хватит воздуха.

Я помотала головой. Такая мысль мне в голову не приходила. У меня упали плечи. Карманник продолжил: — Корабль придет послезавтра. Первыми окажутся те ящики, которые сейчас последние. Я видел, в каком порядке грузят обычно. Я сяду в нижний правый в последнем ряду, ты — в нижний левый. Кто первый выберется, выпустит второго. У тебя хватит магии снять гвозди на двух ящиках? — Хватит, — с сомнением сказала я. — Что? может не получится? — На гвозди хватит. — А на что не хватит? — Неважно. Где встретимся? — Девка, не дури. Если мы напарники, мне надо знать все, иначе планы полетят демону под хвост.

Я замаялась. — Ну? — Он придвинулся ближе, чуть ли не вжав меня в скалу. И зашипел: — Что ты скрываешь? — Артефакт есть у меня! — пискнула я. — Чтоб тряпки не понадобились. Неделя останется! — Тьфу ты... — Кажется, он сконфузился. — Ну прости.

Я шмыгнула носом, едва сдерживая слезы. Нет, я не невинная дева (чтоб икалось этой демонской отрыжке Риану), но и не бульварная девка, чтоб сообщать всякому встречному об интимных делах. — Слушай... кстати, как тебя? — Виола. — А я Стив. Виола, считай, что я твой старший брательник, лады? У меня три младшие сеструхи, я про ваши женские примочки похлеще тебя знаю. Не морщь физию, тебе еще, может, при мне портки менять.

Я пискнула возмущенно. Он хмыкнул: — Да отвернусь я, не верещи. Ну ты поняла, да? Камень везут пять дней. Нам все это время придется прятаться. Еду я найду, — он усмехнулся, — У меня большой опыт по этой части. Но тебе придется доверять мне и не кидать капризы, как принцесса крови какая. — Он хмыкнул. — Тряпки я тебе тоже добуду, не беспокойся.

Я вздохнула: — Когда встречаемся? Корабль будет послезавтра. — Завтра ночью в то же время тут все втроем.

Я вернулась на свой пяточок в пещере. Напарник — это хорошо. Вдвоем всегда легче. Акулы подождут.

* * *

Груда ящиков темнела на фоне звездного неба. Мейсон Стейдж уже рассказал мне все, что было возможно. Плыли они на "Веселом Тритоне". Я будто наяву видела девушку с русыми локонами, разлетом бровей, зелеными глазами, с двумя родинками на правой щеке наискосок, одна побольше и повыше, и с роскошной фигурой "будто часы, в которых песок сыпется из верхней части в нижнюю", а объемами сверху и снизу такими, что можно только позавидовать. Стив "успокоил" несчастного отца, что такие на югах очень сильно ценятся, ими не разбрасываются, а берегут и лелеют. Что ж, будем надеяться, что Риви, по крайней мере, жива.

Я шикнула на них, чтоб замолчали, пока я по капле сцеживаю магию, высвобождая гвозди в двух ящиках. Первым посадили Стива — мне предстояло заплавить хотя бы пару гвоздей, чтоб стенка не слетела невовремя. Потом настала моя очередь. Приладив доски на место, Мейсон прижался к ней щекой и прошептал: — Ты только найди ее, ладно? — Найду. Не успокоюсь, пока не найду.

Кажется, он всхлипнул, когда уходил прочь. А потом я услышала его кашель. И этот кашель не оставлял никаких надежд на встречу дочери и отца.

Вскоре я заснула. Проснулась от криков и тряски — ящик грузили. Несколько рывков, и свет стал глуше, а мое убежище грохнуло, замерло и принялось слегка покачиваться. Я в трюме корабля!

Рядом стукнул следующий ящик. И еще. И еще. И еще. И... ничего. Но я расслышала крики: — Застрял, чтоб его демоны кверху задом перевернули. — Может, демоны с ним, обрежем веревку, пусть идет в море? Это последний.

Последний! Стив определил меня в крайний ящик слева в нижнем ярусе самого дальнего ряда, а сам занял крайний справа. С какой стороны ни начали бы грузить, кто-то из нас останется наверху. Но если меня уже погрузили, значит, тот ящик, который они намереваются утопить, несет в себе моего горе-напарника.

Моя магия почти иссякла. Я потянулась к остаткам и принялась ощупывать пространство в поисках материи. Вот он, ящик. А вот веревка. Вот блок, через который ее перекинули. Веревка растрепалась и ворсинки застопорили колесо. Я пережгла помеху, и судя по возгласам, ящик начал опускаться. Бум. — Готово! Капитан, все

погрузили! — Отдать швартовы! Поднять якорь!

Что-то стукнуло сверху, и свет пропал. Значит, закрыли люк в грузовой трюм.

Я попробовала надавить на стенку. Нет, меня затерли со всех сторон. Сил на то, чтоб расшатать гвозди в крышке у меня уже не оставалось.

Я уже готова была удариться в панику, как услышала треск и голос Стива: — Эй! Отзовись! — Я здесь! выпусти меня, пожалуйста, я боюсь! — Тише. Вздохни глубоко и выдохни, полегчает.

И пока я дышала, Стив нашел меня, расшатал доски и поднял крышку. Я вылезла трясущаяся и едва ли не в слезах. В неверном свете, сочившемся через щели в двух палубах, я увидела парня. Карманник обнял меня и поглаживал по спине. — Тише... тише... Меня кинуть в воду хотели, а потом веревка снова пошла. Твоя работа? — Угу... ы-ы... — Ты спасла меня, сеструха, спасибо тебе, не то либо тонуть, либо назад на остров, а там бы все одно прибили. Ну все, все... мы выбрались. У тебя магия хоть осталась? — Крошка всего... ы-ы... — Стал быть, меньше недели. Добро, я придумаю, как тебе помочь.

Я не сразу сообразила, о чем он говорит. А поняв, попробовала вырваться из рук, смутившись его осведомленности. — Слуш, ну ты как маленькая. Ты думаешь, мужики о ваших делах совсем не знают? Ты не справишься сама, так что, не кипиши.

Внутри себя я признавала его правоту, но довериться мужчине в таких делах... нет, это было против всего моего воспитания. Но Стив не спрашивал, он ставил в известность.

Понемногу я успокоилась, и мы растянулись на ящиках. Корабль качало на волнах, сверху доносились приглушенные команды и ответные крики. Мы вышли в море.

Не знаю, сколько мы так просидели, когда Стив прислушался: — Кажется, в верхнем трюме никого. Я попробую вылезти, осмотреться, пока не стемнело.

Уже сейчас мы едва различали друг друга в рассеянном свете закатного солнца, который пробивался сквозь щели под самым потолком. Стив осторожно приподнял створку люка, убедился, что действительно, никого нет, и исчез в проеме. Вскоре он вернулся с бочонком воды и со свертком сухарей.

После еды у меня возник вопрос, но задать его мужчине, пусть даже такому грубому, неотесанному, пусть мы шутили про "брата" и "сестру", но — нет, невозможно. К счастью, Стив сам предложил: — Как на палубе угомонятся, подождем чуток, и я полезу к люку. Выйду, осмотрюсь, найду, где можно на веревке в море сигануть. — Зачем? — Помыться не хочешь? И по нужде? Только портки не потеряй, — гоготнул он.

Помыться... У меня аж слезы навернулись от предвкушения.

Сидя на палубе у ящиков, я задремала от покачивания корабля, когда Стив осторожно потряс меня за плечо. Я ничего не видела в кромешной тьме, поэтому надеялась, что это Стив. — Пошли, — прошептал он мне в ухо. — Сегодня мало ветра, корабль медленно идет. Рулевой дремлет, да и далеко колесо, спиной к нам. Я нашел ближе к корме место, где можно сигануть в воду. Я тебе руку даю, держись. — Ой! Ты мокрый и холодный! — Так я уже. Обернулся концом фала, и туда. Вылез потом. Ты-то меня все равно не удержишь. — погоди, я повязку сниму. Отвернись. — Сеструха, ты чего? Здесь все равно ничего не видно. — Отвернись, пожалуйста. — Ладно, ладно.

Я стащила повязку и обернула кусок ткани вокруг шеи, чтоб не потерять в море.

Я влезла на ящики, которые стояли под люком, Стив осторожно открыл створку, выбрался сам и помог вылезти мне.

Сначала было страшно. Стив выбрал ту сторону корабля, которая в тени от луны. Висеть в темноте, смотреть в черную пропасть, а вокруг колышались отблески на волнах... страшно. С замирающим сердцем я вцепилась в веревку, а Стив медленно стравливал, пока я не оказалась в воде.

Вода! Хотя и соленая, но вода-а-а! Я терлась рубахой, не снимая ее с тела, я окунулась с головой, и наплевать, что будет колтун. Главное, смыть с себя пыль и грязь этих дней. Одежду я как могла, потеряла прямо на себе, даже панталоны, которые поддевала под мужские штаны.

Вдоволь наплескавшись я дернула трижды за фал, и Стив принялся медленно вытаскивать меня наверх. Когда мы пробирались к люку, он осторожно, оглядываясь на рулевого, свернул кусок брезента, которым были укрыты ящики на палубе, и взял с собой вниз.

Мы устроились с той стороны, где оставалось место между ящиками и стенкой. Я, было, боялась, что при качке нас раздавит, но Стив успокоил, показав на крепежи. — Они ж не идиоты. Такой ящик, если разгонится, проломить стенку корабля может, и тогда всем каюк.

Брезента хватило, чтоб постелить на пол, лечь, не касаясь друг друга, и еще укрыться.

Проснулись мы, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, чтоб косыми лучами светить сквозь щель мне на лицо. Стив тоже открыл глаза.

Я огляделась и заплакала. — Ты... это... Виола, ты что? — Я... я не верила! а у нас получилось! — Получится, когда на берег сойдем, — ухмыльнулся Стив.

Будто в подтверждение его слов закрипел люк. Мы вжались в стенку ящиков. В углу, где мы устроились, не было больше ничего, но вдруг... Додумать я не успела, как сверху загорелась лампа, и над моей головой раздался голос: — Ага, двое! Я выиграл!

С палубы послышался гомон, смех, разочарованное "Э-э..." и удары по рукам. — Вылезайте наверх.

Делать нечего, мы выбрались на палубу, шурясь от яркого солнца, и принялись ждать своей участи. — Ты, — ткнул пальцем капитан в Стива. — Морское дело умеешь? — Нет, — развел тот руками. — Но ежели научат, так я запросто. — А ты? — Палец переместился на меня. — Нет... Но я кашеварить могу! Мамка научила, — я пыталась подстроиться под говор Стива. Простой парень будет им полезнее, чем господский сынок. — Хм... Этого в матросы, этого коку в помощь. Спать будете со всеми, но угол вам выделим не самый лучший, уж простите, не таверна, — ехидно закончил он. — Значит, вы не будете выбрасывать нас за борт? — удивилась я. — С чего бы мне от дармовых работников отказываться? Платить я вам не стану. Считайте, жить оставили, кормить будем как всех, вот ваша плата. — Он усмехнулся. — Думаете, вы первые такие умные? Месяца не проходит, чтоб ящик-другой был полегче остальных. Мы даже ставки делаем: камня не доложили, или кому опять остров надоел.

Ошарашенно я собралась идти к коку, но Стив решил задать еще один вопрос: — Господин капитан, а может, нам в трюме остаться? И вас не стеснять, и нам раздолье. — Там гамаки повесить негде, — удивился тот. — Я найду, где. — Хм... Ну как хотите. Выдайте им по гамаку и по одеялу, и пусть спят внизу, коль охота.

Меня, как обещали, приставили к коку, и я чистила, мыла, снова чистила, помешивала, драила пол и очаг, но после тачки такая работа казалась не тяжелее, чем вышивать в гостинной. Повар посмотрел на мои стертые о тачку руки, покачал головой и выдал чистую тряпицу — перевязать самое пострадавшее место. Потом достал сладкую морковь и протянул мне.

Вечером, сидя на палубе с плоской, я не удержалась и всхлипнула над горячей кашей. Сидевший рядом матрос потрепал меня по голове. — Эх, брат, ты же не каторжный?

Я помотала головой: — Нет, наш корабль захватили пираты. — Эх... кто-то наверху этих гадов покрывает. Капитан потому и сказал, если ящик не такой тяжелый, как положено, чтоб ни гу-гу. Может, убивца какой, конечно, но это мы по дороге узнаем. А может, человек хороший, хоть сколько душ спасем. Ешь, тут хорошо кормят.

И я поела. Но какими бы добрыми ни казались люди вокруг, я прекрасно понимала, что одной женщине среди трех дюжин мужиков лучше не открываться. Остается молить Звезды, чтоб Стив не передумал и не выдал меня новым друзьям.

Вечером Стив зацепил гамаки за углы ящиков и скобы на стенках, и мы устроились в покачивающейся ткани. Мне тут было намного спокойнее, чем в кубрике, но было темно и пахло влагой. Стиву это зачем? — Стив... зачем ты нас сюда устроил? — Ты, сеструха, хочешь среди мужиков жить? — Нет, но тебе... — Я обещал, что тебе помогу. На-ка, кстати, побереги, — он вытащил из-за пазухи длинный лоскут.

Я покраснела, но лоскут припрятала.

* * *

Я надеялась, что мы пойдем в Риконтию или Шалпию, но "Голубая акула" направлялась в Серонт — остров на юго-восток от Шалпии, где росли удивительные вишни с розовыми цветами и делали вино тонкого вкуса. Оттуда лет десять назад пришла мода на распашные цветные халаты, которые очень полюбились риконтийкам. Я тоже завела себе один, в синие с бордовыми цветы под оранжевый пояс. Всего-то месяц назад я расхаживала в нем по комнате женского корпуса, а кажется, что это было в прошлой жизни.

Серонт — может быть, это даже хорошо? Мне нужно найти Риви Стейдж. Я знала название корабля, я знала описание внешности девушки, больше я не знала ничего. Но Серонт лежал на пути к южному материку, куда обычно свозили "живой товар" такого рода. Может быть, корабли заходили туда по пути?

Услышав мои планы, Стив пришел в ужас: — Девка, ты одурела? Ты сама еле спаслась, и еще неизвестно, что будет в Серонте. Да ты сначала доберись туда без приключений на свою задницу! — Я обещала отцу Риви, что верну ее родственникам. — Он помрет со дня на день! Ты магическую клятву дала? — Нет. Как-то забылось. — Ну и всё! Ты и ее не спасешь, и сама сгинешь! Захотелось под южных мужиков лечь? Они, говорят, горячие, понимаю. — Как ты... Я обещала! — Тьфу ты. Дура, — вьерошил он волосы. — И я не лучше. — Ты-то почему? — Что я, оставлю тебя теперь? — А... м... — Вот и помалкивай. Выискалась тут героинка на мою голову... Учти, если

из-за твоей дурости кто тебе юбку задерет, я утешать не буду. — Не переживай, — невесело усмехнулась я. — Акулы утешат. — Да ладно... Говорят же: что можно магичкам, нельзя никому, — в темноте трюма не было видно, но по голосу я слышала, что он ухмыляется. — Как ты смеешь! Я... Нет! — Ой ладно, можно подумать, сеструха у меня прям невинная дева. — Не невинная, — буркнула я в порыве откровенности. — Я замуж собиралась. В университете уже встречались... — И что? Так и не собралась? — Ему родители невесту нашли, а от высокой чести быть его любовницей я отказалась.

Со стороны Стива послышалось тихое рычание, и Стив медленно проговорил: — Значит, под обещание жениться он тебя первым оприходовал, а потом взял ту, что побогаче. Но предлагал и дальше вошкаться? — Ну... да. — Это в Риконбрии университет? — Да, в Байроканде. — Имя? — Риан... Зачем тебе? — Фамилию скажи Вернусь — ноги выдерну, — буднично сказал Стив, и в тоне его не было ни следа усмешки.

Я молчала. Зачем я ему рассказала? — Виола? — Забудь. — Виола. Фамилия. — Стив, перестань, я не должна была тебе рассказывать. Это мои... женские дела. Забудь. — Ладно, сам найду. Кстати, про женские дела. Я там в углу припрятал ведро, бочонок с водой и рубаху. Стянул с веревки, они подумают, что ветер унес. Воду потом вылей в углу, там щели, пройдет вниз. Если надо, говори, я отвернусь. — С... спасибо, — хорошо, что в темноте не видно, как я залилась краской. — Сейчас все уюмонятся, пойдем мыться.

* * *

Утром, едва я выбралась из гамака, потянуло болью внизу живота. Я поморщилась, и это не укрылось от Стива: — Что? Уже? — Стив, я не могу об этом с мужчинами, — я отвернулась, кусая губы. — Лады, я понял. Как будешь готова лезть наверх, крикни, я тебе помогу.

Работать сегодня было тяжело. Порой я едва сдерживала слезы. Сжалившись, судовой кок дядюшка Мак, отправил меня отдохнуть, когда мы домыли кухню после завтрака. — Что-то ты сегодня неважнецки выглядишь, видать, совсем заморили на клятом острове. Через час возвращайся, будем к обеду готовиться.

Наверно, выглядела я и правда неважно, потому что перед ужином он меня отпустил снова. И назавтра. И послезавтра.

Стив, прежде чем спускаться в нижний трюм, приоткрывал створку люка и шепотом кричал: — Эй, можно?

Вечерами он приносил мне полведра морской воды и у кого-то снова стащил рубаху. По молчаливому согласию в "моем" углу он не появлялся, и я осмелев, развешивала там стираное сушиться. Ох, не дай Звезды придет кто-нибудь из команды... Было мерзко и противно, в первую ночь я поплакала, но ничего лучше было сделать нельзя. Мне, а верней, нам удалось сохранить в тайне мою женскую сущность, а большего и желать не стоит.

За день до прихода в Серонт я переборола стыдливость и попросила Стива вновь помочь мне вымыться. — Ты уверена, что можно? Акул не приманишь? — Стив! — Слушай, брось уже. Так как? — Не знаю. — Лады, давай быстро.

Он и правда едва дал мне возможность ополоснуться, как потянул вверх. Может быть, не зря. Мне показалось, что мерцание половинки луны на волнах недалеко от корабля поддрагивало, будто разрезанное пополам. А может, померещилось.

На следующий день после полудня нас переправили на берег. — Ежели хотите снова наняться, так приходите через два дня. А нет, удачи тогда. Не попадайтесь больше.

Нам выдали по толстому ломтю хлеба и по пять медяков, как сказал капитан, чтоб не прибили в первую же ночь. За эти деньги можно найти ночлежку и хлеб на вечер.

Но Стив рассудил иначе. Он высмотрел в толпе господина, одетого на Риконбрийский манер, оставил меня у стены дома и подбежал к нему о чем-то поговорить. Господин выслушал его, с брезгливым выражением на лице поглядывая на обноски, но ответил и даже махнул куда-то в сторону рукой. Стив поклонился и побежал ко мне. — Идем. Я добуду нам деньги. — Стив, ты же не станешь... ну... ты же на каторгу не просто так попал. — Не бойсь. Я узнал, где рынок, и уж поверь мне, последнего не возьму. — Стив! Нельзя так!

Он остановился и серьезно посмотрел на меня: — Кем ты здесь хочешь работать? Мальчиком на побегушках? Языка не знаешь, местные тебя побьют, а для острастки сдерут штаны. Таскать ящики в порту? Я, положим, мог бы, но ты? И заработали бы мы только на лежанку и похлебку раз в день. На хорошие места нужны рекомендации. А туда, где ты можешь продемонстрировать, что ты маг, тебя и на порог не пустят без бумаг и в таком виде. — Может, беднякам тоже маг нужен, починить что... — Мага-чужака, который даже объясниться не может, скорее, местные ночные короли посадят на цепь и заставят работать на них за так. Будут водить тебя, чтоб ты им замки вскрывала. Хочешь рискнуть?

Мне было нечего ему ответить, поэтому я поплелась за ним по улице, и вскоре мы услышали гомон рынка. — Сиди тут, — показал он мне в тенок рядом с торговками яркими тканями. — Авось бабы мальчонку в обиду не дадут. Я скоро вернусь.

Я не знала, чего я боялась больше: что Стиву удастся обворовать кого-нибудь, или что его поймают. Что я буду

делать здесь одна? Когда я обещала помочь Риви, я не дала себе труда задуматься о том, какие трудности меня подстерегают. Но был ли у меня выбор? И могла ли я нарушить обещание, данное умирающему человеку, который нам помог?

Тени довольно далеко переползли по пыльной дороге, когда Стив вернулся с мешком, двумя круглыми хлебами с мясной начинкой и баклажкой воды. И то, и другое закончилось быстро, и Стив повел меня за собой. Я все гадала, кто стал его жертвой, и сколько он украл.

Мы сделали несколько поворотов, и я совсем потеряла направление, даже не могла бы сказать, где порт, когда Стив толкнул неприметную дверь, за которой оказалось что-то вроде таверны. Толстый мужик в длинной белой рубахе что-то нам крикнул. Стив ответил: — Риконбрийский? — Да-а. Что-о вам? — Комнату мне и моему брату, позже ужин. Одежда на продажу есть?

Толстый мужик вытащил ключ: — Второ-ой двер по коридо-ор напра-аво. Оде-еть приходи-и.

В комнате оказались две кровати. Удобства нашлись в конце коридора, а вот ванной никакой не было. Стив сходил вниз и вернулся с тазом, ведром воды и крохотным кусочком мыла. — Три медяка взяли! Мойся, я выйду. Ах, да, вот чистая рубаха и штаны, они попримечнее будут. Завтра сходим в лавки.

Мне удалось вымыться и постирать панталоны и перевязь с груди. Перевязь я повесила на спинку кровати. Но как быть с панталонами? И неужели надевать чужую одежду на голое тело? Я накинула рубаху, которая оказалась до колен, и осталась стоять в нерешительности.

Так меня и застал Стив с двумя плошками каши. Я взвизгнула и попыталась укрыть голые ноги штанами. — Не верещи, чего я там не видел. А это что? — он ткнул пальцем в комок мокрого, висевший на краю таза. — Белье... — пробормотала я. — Демоны. Как тяжело с девками. Ты думаешь, я не видел бабских тряпок? Вешай на кровать. Меня все равно допоздна не будет. Поешь и ложись. Я запру дверь, чтоб никто не вломился.

Когда мы доели, он забрал посуду и ушел. Помявшись, я повесила панталоны на спинку кровати и влезла под одеяло. Я обходилась без кровати и постели чуть больше двух недель, а кажется, так давно. Уснула я быстро и так крепко, что проспала возвращение Стива.

Едва открыв глаза я подскочила и издав смущенное "Ой" подхватила белье, быстро спрятав его под одеяло. Стив стоял посреди комнаты в одних подштанниках рядом с бадьей мыльной воды. Что было бы, если б я проснулась на пять минут раньше? Я залилась краской. Стив обернулся. — Сеструха, ты снова за свое? Можно подумать, ты мужских задниц не видела. — Стив, мне нужно одеться, — я старалась не смотреть на него. — Погоди пару минут, я пойду за завтраком, и одевайся. После потопаем по лавкам, купим еще шмотья, и заглянем в порт. Авось что про корабли с севера узнаем.

Когда он вышел, я быстро натянула панталоны и те штаны, которые Стив купил у трактирщика. Башмаки пришлось оставить пока мои. Отвернувшись от двери я вытащила руки из рукавов и принялась перетягивать грудь.

Как Стив и обещал, после завтрака мы пошли по лавкам. Он выбрал нам по три рубахи и по две пары штанов, новую обувь и что-то странное на голову, не то шляпу, не то кепи. Наша одежда была смесью местных и риконтийских фасонов, и в городе-порте это никого не удивляло.

Стив выбрал портовую таверну и перед тем, как войти внутрь, предупредил меня: — Если начнется драка, беги назад и зови стражу, сама не суйся.

Я кивнула.

Следующие два часа я только сидела, открыв рот, куда время от времени засовывала то орешек, то сухарик. В порту водилось множество людей, которые говорили на самых разных языках. Стив завел с полдюжины закадычных друзей, и уверена, спроси любого из них, они скажут, что знают его много лет. Из веселых разговоров, баек, тостов и споров по крохе, по крупнице Стив выщепивал нужные сведения. Корабли с севера, действительно, тут останавливаются, и скорее всего, останавливаются все — это самый первый порт после долгого плаванья по океану и самый устроенный. Лучших женщин везут в Буген — богатый город, окруженный оазисом, где живут те, у кого есть деньги и время для всяческих удовольствий. На фигуристых северянок там особый спрос. По словам портовой публики, в Бутене все так хорошо поставлено, что чуть ли не приход и расход живого товара ведут. Выяснив все, что нужно, Стив заказал вина на всю компанию и показал мне глазами на выход.

— Значит, Бутен.

Мы вернулись в комнату над таверной. Стемнело, и Стив ненадолго спустился вниз, дав мне время ополоснуться в тазу. Теперь я сидела лицом к окну и слушала плеск за спиной, а Стив одновременно с мытьем размышлял вслух. — Дело обстоит так. До Бутена мы доберемся. Но как ее там искать? Ладно еще, если она в каком веселом доме. А если у одного любителя северянок...

Я вскинулась так, что едва не обернулась, но вовремя спохватилась, услышав смешок. — Ты считаешь, что веселый дом лучше, чем один мужчина? — Э... м... прости. Нет, для поисков лучше, посмотреть можно, все на виду. Для Риви, конечно, хорошо бы быть у одного мужика. Ладно, поищем сначала по веселым домам.

Весь день у меня вертелась в голове одна мысль. Мысль была глупая, но вдруг... — Стив, как ты думаешь, мы первые, кто ищет похищенных пиратами? Если, как сказал тот ханыга, в Бутене такие серьезные люди, что под счет людей отгружают, неужели нет никого, кто приторговывал бы нужными сведениями. — Виола, а у тебя башка варит! Конечно! Должны быть такие пауки, их не может не быть, они раскидывают сети и собирают: кто, что и где. — Интересно, сколько это может стоить. — Интересно-то интересно, но покупать мы сведения не будем. В таких делах торгуют обыкновенно в две стороны: и тому, кто ищет, и тому, кто хочет знать, кто его ищет. Как называлось ваше судно? — "Дикая Сирена". — Вот про нее и будем выяснять. А дальше как сложится.

Да, стоит признать, что городское дно дает возможность изучить самые разнообразные сведения и получить такие навыки, которых я не припомню ни у одного известного мне добропорядочного господина.

* * *

В Бутен мы плыли открыто, купив билеты третьего класса на маленькое судно. В третьем классе едут те, у кого документов обычно не бывает. Мы могли бы купить приличную одежду и взять билет во втором, но отсутствие нужных бумаг закрыло эту возможность. Пришлось терпеть попутчиков. Первому же, кто попытался меня позадирать, Стив вывернул руку, а я показательно нагрела кончик крюка, на котором висел гамак. Хоть источник в Серонте был хиловат, какую-то магию я подкопила. Больше нас не трогали.

Сняв комнату в Бутене, Стив велел мне сидеть тихо и никому не открывать. Вечером он вернулся с большим узлом поношенной, но все еще хорошей одежды: серые балахоны и большие темные покрывала, в которые заворачиваются женщины некоторых племен.

— Ты хочешь, чтоб мы с Риви возвращались как женщины? — Да, как мои женщины, — подмигнул этот охальник. — Но почему? разве нельзя, как сейчас? — Если Риви такая фигуристая красотка, как описал ее отец, под парня ее не нарядить. Вы будете моими наложницами.

Я поперхнулась тягучей белой сладостью, кулек которых купил для меня Стив, и тот довольно захохотал. — Да не дрейфь, сеструха. Ну хлопну я тебя разок по... все, все, понял, не надо подушкой! Да пошутил я, здесь руки распускать прилюдно не принято. Будете рядом держаться, и от меня ни на шаг. — А как же язык? и акцент? — Это наряды пустынных. Они разные бывают, и языки у них разные. Многие по-здешнему и не говорят, только руками машут.

Осталось дело за малым: найти Риви и вытащить ее оттуда.

Четыре дня я сидела в комнате и выла от скуки. Я перестирала и перечистила всю одежду, в которой мы будем возвращаться, и всю свою, и даже рубахи Стива и штаны, что его — наконец-то! — смутило. На третий день мне стало совсем нечего делать, и я лежала на кровати, вычерчивая в голове схемы механизмов для ловли пиратов на палубе. Стив зашел после полудня, забрал с собой одежду пустытника, подмигнул и снова ушел. Вернулся он под вечер, принес еду и предупредил, что ночью его снова не будет. Значит, нашел, у кого сведения о кораблях.

Утром Стив снова отвернул меня к окну и плескаясь в тазу сообщил: — Женщин с "Веселого Тритона" было семеро, но светлые волосы у двоих. Одна у местного начальника за городом, в оазисе. Там стены высокие, охрана, не подступиться. Даже не знаю, что делать будем, если это Риви. Вторая сейчас в "Северных цветах", это что-то вроде варьете и веселого дома сразу. Три раза в неделю девицы там пляшут, поют, на разных бренчалках играют, а один день самые богатеи покупают специальную монету и по ней входят, чтоб с плясуньями побаловаться.

Я с силой выдохнула. — Слуш... мы ж давно знаем, что баб сюда не вышивать возят. Обеим светловолосым, считай, везуха. Одна в богатом доме при одном мужике, вторая хотя б не в портовом кабаке, где по пять мужиков за ночь. — Тебе б такую везуху, — процедила я. — Ну что ты... — Ты не понимаешь? Если б я не переделалась в мужское, если б я ехала в платье, это я бы сейчас была в портовом кабаке, я! Мне, чтоб мачту обрушить, все равно надо было близко подойти, меня бы все равно увезли!

Я зашмыгала носом, Стив оказался рядом, и судя по мокрой рубахе, напялил ее не вытираясь. Он неловко обнял меня, я уткнулась ему в плечо, и рубаха стала еще мокрей.

Отплакавшись, я нашла кувшин, где оставалось еще немного воды и умылась. — Извини. Я все время думаю,

что меня только чудо спасло. Если б я ехала в платье. Если б меня раскусили, пока везли на остров. На острове... даже думать страшно. — Вот и не думай. Смотри, что я в доме того паука прихватил.

Стив вытащил камень в металлической оправе, от которого несло магией. — Накопитель? — Ага, причем хорошо заряженный. Их там несколько валялось рядом с бумагами, авось не хватит, а нам пригодится. Если что, умеешь вытягивать магию? — Умею. Здорово. Эх, если б у меня такой был на корабле... — Брось. Ты сейчас здесь, и главное, делай, что я говорю, и я тебя в обиду не дам. А Риви... Пойдем сегодня вечером в эти "Цветы". Ты будешь моим слугой. — Угу... Хорошо.

Мы петляли по улочкам, но на подходе к "Северным цветам" взошли на пригорок, и я совсем недалеко увидела море. Рядом с заведением было два здания с узкими высокими башнями, наверху которых чернели маленькие круглые оконца.

У входа Стив дал золотой и вознамерился пройти внутрь. Охранник остановил его, что-то сказал и показал на меня. Стив изобразил руками, что я слишком низок, чтоб за меня платить. Охранник покачал головой. Стив скривился. Охранник нахмурился. Стив вытащил еще золотой и бросил на меня картинно злой взгляд. Мы прошли внутрь.

Мы пришли одними из первых и заняли хорошие места на подушках, раскиданных по полу. Стив вытащил еще два серебра и взял нам по плошке какого-то терпкого питья.

Южная ночь упала быстро, вот только что еще лился свет, и вдруг темно. Началось представление. Семь девушек вышло в танце, они изящно крутились, поводили плечами и бедрами, и со всех сторон слышалось шелканье языками и гортанные переговоры, выражавшие страстное одобрение. Все девушки были светловолосыми с роскошными фигурами, но цвет глаз было не рассмотреть, а родинки и подавно. Закончив номер, они ушли за занавеси.

Два работника вынесли арфу и поставили недалеко от нас. Из-за занавесей вышла девушка, села за арфу, заиграла и запела протяжную песню. Ее сильный голос разнесся по залу. Зрители замерли не шевелясь, не издавая ни звука. Такой талант и в театре редко встретишь, а она тут, в веселом доме, пусть и дорогом, но все-таки... как несправедлива жизнь.

Я присмотрелась к певице. У девушки были зеленые глаза и две родинки на правой щеке наискосок, одна выше и больше другой. Я осторожно скосила глаза на Стива, тот еле заметно кивнул — он тоже узнал Риви. Я вглядывалась в ее черты, стараясь их запомнить.

Я с трудом дождалась конца представления. Стив же вел себя как ни в чем не бывало: хлопал себя по ляжкам, шелкал языком, широко жестикулировал, в общем, как настоящий пустынный дикарь, которых здесь набралось едва ли не половина зала.

Когда представление закончилось, Стив подошел к хозяину и поприветствовал его, приложив руку к сердцу и поклонившись. Тот ответил тем же жестом. Стив показал рукой за кулисы, обрисовал фигуру песочных часов, ткнул пальцем в себя, затем сложил пальцы одной руки кольцом, а указательный другой руки просунул сквозь него. Когда я поняла, что он изобразил, я опустила голову ниже, чтоб хозяин не заметил залитых краской щек. Но тот что-то затараторил, потом спохватившись выругался, показал восемь пальцев и сказал "данак". Стив приложил руку к сердцу и поклонился. Затем повернулся и пошел ко входу, а я поспешила за ним. — Что такое данак? — шепотом спросила я, когда мы шли по малолюдной улице. — Не знаю, сейчас спрошу в таверне. Но думаю мне, что это восемь дней. Он хотел сказать, что взять девицу можно через восемь дней. — Ты говорил, что они... раз в неделю. — Значит, что на завтра все билеты проданы.

Мы вернулись в комнату оба мрачные. Теперь, когда мы знаем, что Риви здесь, не иметь возможности вытащить ее оттуда сей же час огорчало и меня, и моего циничного друга.

Утром Стив отправился разведать обстановку вокруг "Цветов" и выяснить, как проходят внутрь. Вернулся с неутешительными новостями: в заведении высокие стены и охрана. День, когда девиц отдают на увеселения, действительно, сегодня, но всё уже раскуплено. Следующий — через неделю, и подсуетиться придется прямо завтра с утра. Ограничивая вход хозяин умело подогревает интерес, "цветы" считаются изысканным лакомством, и монеты-пропуска расхватывают быстро, несмотря на баснословную цену в двадцать золотых.

Мы приуныли. Настроения не прибавили и шепотки за спиной, которые Стив услышал, проходя сквозь зал. Он спустился за ужином, вернулся с тарелками и сказал: — Придется уходить через окно. Переночуем на пляже, чтоб их ядреные демоны через колено перегнули. — Кого? — не обратила внимания я на сквернословие. — Тех, кто глазастый слишком, и вопросов много задает. Решили, что ты моя любовница, и я тебя прячу как своего брата. Наверное, ночью проверять придут. — Я вздрогнула и с ужасом посмотрела на Стива. — Да не бойсь, ночь темная, скроемся, тут тепло, поспим на песочке, а завтра другую таверну найдем.

Едва стемнело, как мы вылезли из окна, и перепрыгивая по торчащим из стены балкам дошли до низкой крыши сарая, а там уже Стив поймал меня на земле. Уж не знаю, как он угадывал направление, но через полчаса мы устраивались на пляже, где сложили рыбацкие лодки. Стив спрятал наши вещи в нескольких местах, а самое

ценное, деньги и артефакт, прикопал. Чтоб спать, он выбрал место у одной из лодок и посоветовал мне устраиваться рядом. Я сделала вид, что укладываюсь, но только вид. В свете луны были очень хорошо видны две узкие высокие башни с круглыми окошечками наверху. И казалось, что они совсем недалеко, рукой подать.

Я дождалась, пока дыхание Стива станет ровным, сняла обувь, и осторожно ставя ноги на песок, пошла в сторону улиц. Я не буду ни во что ввязываться, я только посмотрю, разведу, что там и как. Вдруг можно вытащить Риви сегодня?

Заведение я нашла быстро, но на этом моя удача, казалось, закончилась. Здание было большим, и занимало целый квартал. Зал, в котором выступали девушки, был довольно велик, но это только часть здания. Я обошла сбоку, заметила недалеко удобное дерево и влезла повыше, пока на улице никого не было. О, понятно, у них там внутренний дворик, даже фонтан журчит.

Я принялась обходить заведение дальше. Со стороны, где было темнее всего, послышалась какая-то возня и хихиканье. Я притаилась в тени, но меня все равно заметили — четверо мальчишек лет тринадцати-четырнадцати висели на дереве, смеялись, толкали друг друга локтями и показывали в сторону окна. Мне они замахали рукой, мол, иди к нам. Ах да, я сейчас такой же мальчишка.

Уличное братство подсматривающих приглашало меня в свои ряды. Мне помогли забраться на дерево и мы оказались недалеко от окна, где крутились силуэты одевающихся девиц. Створки были распахнуты, и три девушки были хорошо видны. Я начала всматриваться, пытаюсь распознать среди них Риви, и слишком поздно поняла, что мальчишки звали меня не просто так. Наверное, это была давно отработанная шутка. Уперевшись ногами в толстые ветви паршивцы схватили меня за руки и за ноги, раскачали и кинули внутрь.

Я приземлилась на пол, больно ударившись бедром и плечом. Девушки, против ожидания, не завизжали, а разразились привычными слуху риконбрийскими проклятиями: — Чтоб вам повылазило! чтоб вас демоны ёжиком отодрали!

Одна быстро закрыла окно и задвинула шторы. — Снова притаились! Мало их Сиртар выдрал! Эй, чег сидишь? готовь задницу, и тебе сейчас всыпет. — Да толку, он же по-нашему не понимает, — отмахнулась другая. — Не надо Сиртара, — в ужасе прошептала я. — Я здесь по делу.

Девушки переглянулись. Третья, которая до сих пор отмалчивалась, спросила: — За кем пришел? — Пришла. Я тоже женщина. За Риви. — Риви... Да, Риви с тобой уйдет. Но она в другой комнате, ее стерегут. — А вы? неужели вы сами не хотите сбежать?

Девушки, как одна, фыркнули. — Будто меня кто-то дома ждет.

Я вытаращила глаза. — Ну что ты так смотришь? У тебя, небось, семья при деньгах была, пока пираты не напали? — Родителей с нами не было, — зачем-то начала я оправдываться. — Тем более. Ждут тебя, небось, с твоей Риви. А я дома за пятью братьями горшки выносила да портки им стирала, а потом их детям стала бы прислуживать. И все за стол и крышу, мол, будь благодарна, дармоедка. Тут веселее, теплее, ни стряпать, ни убирать не надо, кормят как богатеев, фруктов видимо-невидимо. — Она фыркнула и показала на другую девушку. — Гиту везли за старика замуж выдавать. Маршу, как отец умер, мачеха выставила вон. И куда ей из села? В город одной, без защиты, чтоб любой проходимец под юбку лез? еще хуже было бы. Так что, нечего нам тут строить из себя настоятельную обителю. Думай, как вам с Риви отсюда уйти. — А окно? — Пф. Думаешь, они ту идиоты? На окне артефакты старинные, дорогие, чтоб изнутри никто выбраться не мог.

Я приуныла. Вот и разведка. Стив меня убьет. — Только если через зал выходить, — неуверенно сказала та, кого называли Маршей. — Там и Риви найдется, но как туда попасть...

Гита осмотрела меня со всех сторон: — Н-да, тоща ты, конечно. Впрочем, там довольно темно. Грудь перевязала? есть, что показать? — В-вы о чем? — Оденешься под одну из нас. Есть запасные наряды. Если меня хватятся, я будто бы задержусь. Смотри, у тебя времени совсем мало будет, как станешь выбирать, твое дело. — Да, пожалуй, это единственный выход, — пробормотала первая девушка, и глянув на мои глаза, припугнула: — Если Сиртар тебя здесь найдет, снимет штаны, чтоб отходить веревкой. А дальше, сама понимаешь. Сейчас мы тебя прикроем, но другого пути, кроме как через зал, у тебя отсюда нет.

Мне выдали тонкое расшитое покрывало на голову, широкую юбку и накидку, которая завязывалась на груди. — А где блуза?

Девушки переглянулись и засмеялись.

Я отказалась снимать панталоны. Оказывается, под юбку ничего надевать не полагалось. Но в конце концов махнули рукой, мол, если кто юбку задерет, выкручивайся, как знаешь. — А есть любители белье сорвать, так что, пусть будет, — заключила Гита, и у меня внутри все похолодело. — Теперь слушай. У передней стены, где вход, как стоишь изнутри лицом, в правом углу есть неприметная дверка. Ее снаружи только один охранник стережет, а у главного входа трое. Как вы с ним будете справляться, не знаю. Риви сама однажды попробовала сбежать, но он ее мигом скрутил и принес назад. Но вас в этот раз двое, может, и придумаете что.

Гита критически осмотрела меня, покачала головой, мол, фигуристости мне не хватает, но ждать больше было нельзя — снаружи ударил гонг, и девушки потянулись на выход.

Не утерпев, я шепотом задала девушкам мучивший меня вопрос: — А потом? что будет с вами после "Цветов"? — Продадут богатому пустынноку детей рожать. Они ценят северную кровь, — пожала плечами Марша.

Сделав три поворота мы присоединились к остальным.

Нас было семеро, одетых в легкие юбки чуть ниже колена, в свободных пелеринах, которые завязывались на груди и не доходили до талии. Под пелериной не было ничего. Я пыталась подавить дрожь. Нестрашно... я затеряюсь последней, я неприметная, у меня небольшая грудь и бедра не очень сильно выражены. Это давало мне возможность переодеваться в парня, но на югах ценится богатое наполнение декольте и крутые изгибы. Наверняка меня не выберут.

Если мне повезет, мы уйдем с Риви вместе. Я уже видела ее впереди, но поговорить с ней не рисковала — распорядитель, наверное, тот самый Сиртар, был тут же, и я спряталась за спинами. Мне повезло, что мы с Гитой одного роста и одного цвета волос. Если мне не удастся умыкнуть Риви, то я тихо улизну, расскажу Стиву, как тут все устроено, и мы вместе ее вытащим. Я быстрая, я убегу от охранника. Увы, Риви придется провести здесь еще один вечер.

Открылись двери, и нас повели в богато украшенный занавесями зал. Чем дальше к полугруглой стене, тем гуще занавеси. Мы сбились стайкой в освещенном светлячками кругу. Да, это непростое место, не жалели денег на артефакты.

Я посмотрела на мужчин, и меня пробрала дрожь. Развратников, кто пришел купить танцовщиц, было семеро, как и нас.

Что делать, что делать, что делать? Отпроситься по нужде и сбежать? Стукнуть и сбежать? Завизжать, устроить переполох и сбежать? Но если поймают... ох. Я должна успеть и добежать до двери и проскочить мимо охранника. Я быстрая.

Четверо мужчин были пустынноиками и выглядели почти одинаков, но все-таки даже в белой хламиде и с замотанным черной тряпкой лицом видно, кто молодой и поджарый, а кто пузатая квашня. Самый пузатый выбрал первую девицу, которая не останавливаясь пританцовывала, шевеля бедром. Он подошел к ней, поднял пелерину, удовлетворенно кивнул, сдернул ткань с ее плеч и повел прочь, за занавеси. Второй сдернул верхнее одеяние с Риви, схватил ее за плечо и потащил за собой. Третий... третий развратник подошел ко мне. Я попяtilась, но он уже уцепился за завязку, и когда я дернулась, пелерина распахнулась, открыв мою грудь. Я хотела прикрыться, но в тени, в единственной щели, которая осталась открытой на лице мужчины, сверкнули глаза. Мужчина схватил меня за запястья и опустил руки вниз. — По-ос-сдно-о, — прошептал он по-риконтийски, растягивая звуки. — Я-а тебя-а ос-седлаю-у.

Я услышала смешки вокруг, когда мужчина повел меня за занавеси.

У стены обнаружился столик с фруктами и водой, в которой плавала половинка лимона. Рядом стояла широкая тахта с цветным покрывалом. У меня похолодели ноги. — Я... мне нужно... ну... нужно. Очень. — Сказала я по-риконтрийски и махнула рукой куда-то вдаль. — Я скоро вернусь. — С-сбежа-ать хочеш-шь, — протянул мужчина. Отблески в тени повязки показывали, что он водит глазами по моей груди. — У тебя-а красивая-а гру-удь.

Мне попался извращенец! Многие мужчины считали меня привлекательной, но уж никак не объемами под лифом. Объемы у меня были меньше среднего. По взглядам мужчин в декольте других девушек я понимала, что по этому критерию я сильно проигрываю. — Пе-ерс-сики-и. — Он протянул руку, и я отшатнулась. — Не-е хочеш-шь? За-ачем ты с-сдес-сь? Я-а заплати-ил двадца-ать золоты-ых.

Этот развратник-извращенец так и не тронул меня, и я решила... — Здесь не все хотят. Там есть девушка, которая тоже не хочет. Я за ней пришла.

Развратник хмыкнул. — Йа-а бы мо-ог помо-очь. Ч-што ты мне за это-о да-ашь? — Он не сводил глаз с моей груди. Если он потребует за спасение меня... Я закусилa губу. Ради Риви... но как потом жить? Впрочем, я отвезу Риви, а дальше...

Я набрала воздуху в грудь, но не смогла произнести страшные слова. Кажется, я дрожала. — Что-о у тебя-а есть це-енного-о в обме-ен?

Ценного? Есть! — У меня есть полностью заправленный накопитель. Но не здесь. — Хоро-ш-шо. Но жа-аль. У тебя краси-ивая гру-удь. Ты хочеш-шь уйти-и? Я бы ее ласка-ал...

Указанная часть тела внезапно заныла. Подружка в академии как-то сказала, провожая взглядом симпатичного парня: "Демоны, давно не было мужчин, что я так на парней реагирую". Похоже, доля правды в ее словах есть, иначе с чего бы мое тело отзывалось на скабрзности незнакомого дикаря. Нет, давать ласкать ему свою грудь я не буду, даже если после его слов у меня пробежались мурашки. Извращенец!

Я мотнула головой, и мужчина вздохнул. Он выглянул за занавеси и поманил меня за собой. Вокруг раздавались вскрики, стоны, смех. Я показала пальцем туда, куда, как мне показалось, повели Риви. Я тихо отодвигала занавеси, пока не услышала злой шепот на ломаном риконтрийском: — Наклониться. — Девушка что-то жалобно забормотала в ответ. — Молчать. Я платить, ты работать. — Мы слышали шлепок и тихий всхлип.

"Мой" развратник отодвинул меня и исчез за занавесью. Оттуда послышался тихий стук, сдавленный писк, и

мужчина появился, ведя заплаканную Риви за руку. Я облалдела смотрела на развратника. — Йа вои-ин, йа-а хоро-ош-ший вои-ин. Твоя-а подру-ужка-а? — Риви Стейдж?

Она кивнула. Воин-развратник вздохнул: — Все-о ещ-ще не хоче-ешь?

Я помотала головой. — Тогда-а артефа-акт.

Он поманил нас за собой. Прислушавшись, свернул направо, и отвернув несколько занавесей мы оказались у прохода. Оглянувшись, он снова скользнул взглядом по моей груди, вздохнул и сорвал два полотна на стены, кинув нам с Риви.

Завернувшись с головой, мы пошли за ним по темному коридору. Мужчина приоткрыл дверь, выскользнул за нее, снаружи что-то упало. Он заглянул и поманил нас с собой. В свете луны я увидела лежащего охранника. Мы быстро прошли мимо и двинулись за ним по сплетению улочек. — Вы кто? — шепотом спросила Риви. — Ваш отец попросил выгнать вас отсюда. — Он жив?! — Риви едва не заговорила в полный голос. — Тш-ш, — отозвался наш проводник. — Я... потом расскажу.

Мужчина, который вел за собой завернутых в покрывало дам, не вызывал никакого излишнего внимания. Когда мы достаточно отошли, я дернула его за рукав и прошептала: "Нам к морю".

Выйдя на берег, я огляделась. Кажется, вон тот мыс был ближе. Значит, нам туда.

Стив спал возле лодки. Тонкий месяц давал мало света, а он устроился в тени, и я еле рассмотрела его фигуру в покрывале, но приближаться не стала. Я дала своим спутникам знак остановиться и подошла к кустам. Боюсь, если Стив проснется, он не оценит моих талантов менялы, а этот воин все-таки не карманник с базара. Я тихо разворошила кусты и потянулась к схрону. Кажется, Стив пошевелился... но нет, не проснулся. Достав артефакт, я подбежала к воину-развратнику. — Вот. Благодарю вас. — О... Это-о доро-ого-о стои-ит. Но жа-аль... Я хо-очу попро-оща-аться с ва-ами по-рико-онкбри-ийски-и, — сказал он, протянув мне руку. Я вложила свою. Он провел указательным пальцем по ладони, скользнул к запястью и только тогда поднес руку к губам. Еще раз вздохнув, он исчез в ночи.

Я отошла подальше от лодки, где устроился Стив. — Идемте, — сказала я Риви. И когда мы отошли подальше, продолжила: — Риви, у меня плохие новости. Ваш отец сейчас, скорее всего, уже мертв. Мы познакомились на каменоломнях, когда он кашлял кровью. Ему недолго оставалось, и он попросил меня найти вас и выволить отсюда.

Риви всхлипнула, я обняла ее, и она разрыдалась.

Так нас и нашел Стив. — Все-таки полезла сама, — нехорошим голосом произнес он. — Но видишь, у меня все получилось! Только... — я замялась. — Что? Что ты еще натворила? — Мне пришлось выменять нашу свободу за накопитель.

Стив взвыл. — У кого он? — У того, кто нам помог. — Куда он ушел? — Не скажу.

Но Риви уже махнула в ту сторону, куда ушел наш спаситель. — Риви, зачем? он же нам помог! И он воин, а Стив просто карманник. Или тот убьет Стива, или Стив отберет у него заслуженную плату. А может, Стив его покалечит! — Я думаю, накопитель нужен нам больше, чем ему, — сказала Риви, отводя глаза.

К утру мы затерялись в порту. Мы с Риви оделись в припасенные балахоны и завернулись в темные покрывала, так, что только глаза торчали. Стив переоделся в пустытника. Юбки, в которых мы бежали из "Цветов", Стив сжег, чтобы не оставлять следов. В глазах Риви, когда она смотрела на костер, было море боли и океан ненависти.

Стив заплатил рыбакам на потрепанном ветрами баркасе, и нас обещали высадить на острове в двух днях пути, где есть порт, куда заходят большие суда.

Риви была малоразговорчивой и подолгу смотрела в одну точку. Я боялась ее тревожить, а тем более расспрашивать, и только следила, чтоб она ела. Стив не выпускал нас одних из того угла в трюме, куда рыбаки определили "пассажиров". Нам повезло, что судно шло пустым, выгрузив рыбу в Бутене. Косяки рыб, которые они собирались ловить, ходили севернее, и мы наслаждались пустым трюмом, пропахшим рыбой так, что я боялась — я этот запах вовек не отмою.

На острове был небольшой городок и большой порт. Стив стащил на корабле два куска веревки, мы скинули покрывала и подпоясались, превратившись в двух бедных женщин, которых на этом острове было предостаточно. Стив снял повязку и длинный жилет, перепоясался, подвернул штаны, и вот уже семья бедняков пришла в порт попытать удачи.

Отыскав более-менее приличную таверну Стив оставил нас в комнате и ушел в порт узнавать про корабли. Риви легла на кровать и отвернулась к стенке. Я занялась привычным уже занятием: построением мысленных механизмов.

Стив вернулся с фонарем под глазом и содранными костяшками пальцев. — Что с тобой? — А... — махнул он рукой, — повздорили тут с одним типом маленько. — Хм. Ты говорил мне ни во что не ввязываться, а сам полез в драку. — Я не лез. Он выигрыш не хотел отдавать. — Ты играл?! — Ага. И выиграл нам три места на завтрашнее судно напрямиком в Риконбрию.

Спать он устроился на полу, выпросив у трактирщика одеяла — оставлять нас одних в портовом городе он не рискнул. Ночью я проснулась от шепота. Стив и Риви сидели на кровати и едва слышно о чем-то говорили. Я не стала им мешать.

Утром мы зашли в лавку, где продавалась ношенная одежда на северный манер. Все откровенно южные вещи мы выбросили. Мои волосы отросли достаточно, чтобы подколоть, будто бы там не крысиный хвостик, а полноценная женская прическа.

Места у нас были в третьем классе. В каюте на восьмерых мы с Риви заняли кровати друг над другом. Риви отказалась выходить на обед, и Стив принес нам по куску хлеба и сыра с кувшином воды. Вечером я с трудом уговорила девушку пойти за ужином.

Третьему классу выдавали плошки с похлебкой и ложки, оставляя рассаживаться на палубе, кто где. Столовая комната, отведенная третьему классу, была слишком маленькая и тесная, и там сидели несколько стариков. Остальные предпочитали свежий воздух, пока погода позволяла.

Стив выбрал для нас уголок у борта и посадил так, чтоб закрывать нас с Риви от желающих полюбопытствовать. Но увы, Стив был не настолько большой, и два подвыпивших господина в залатанных штанах поинтересовались у Стива, не много ли ему двух девиц, и не уступит ли он одну по сходной цене. Я быстро обняла Риви, которая застыла на месте.

С сожалением отставив недоеденную похлебку Стив выпрямился, растирая руки. — Господа, коли охота почесаться мордой об мой кулак, так я с удовольствием.

Справится ли Стив с двумя? Я в него верила, но у таких типов и нож может оказаться. Мои размышления прервал уверенный голос: — Господин, прошу прощения, не знаю вашего имени, нехорошо жадничать. Я тоже не против поразмяться. Которого вы мне определите, правого или левого?

Рядом со Стивом встал мужчина, лица которого я не могла разглядеть в неверном свете качающихся корабельных фонарей. — На ваш вкус, — Стив обвел рукой противников так, будто предлагает дорогому гостю угощаться всем, что видит на столе.

Мужчина был одет в крепкие сапоги, хорошие, хоть и неновые брюки и потрепанный сюртук. Сквозь кудри, рассыпавшиеся по плечам, проглядывал воротник вполне белой рубахи. — А ты что, господинчик, на этой палубе забыл? — зачинщик не унимался. — Господа, вы к нам поговорить подошли или подрались? Уверяю вас, я найду собеседников поинтереснее. Так что, если у вас нет желания устроить экзерциции на четверых, извольте проследовать дальше.

"Господа" переглянулись и начали разворачиваться назад, но неожиданно один из них ударил мужчину в живот, а второй — Стива в челюсть.

Точнее, они попытались ударить, потому что Стив перехватил своего соперника за кулак и вывернул ему руку, уронил на палубу и наступил ногой на вторую руку, из которой выпал нож. Мужчина в сюртуке развернул "своего" спиной к себе, поставил на колени и слегка придушил. — Господа, я больше повторять не буду. Идите, куда шли, — и с этими словами освободил хрипящего противника и придал ему скорости.

Стив тоже отпустил своего и рассматривал трофей. Точно такой же нож держал и его неожиданный соратник: — За шпаниной, подлец, прятал. Уже потянулся, но вытащить не успел. — И подал руку Стиву: — Микай. — Стив. Это Виола и Риви, моя сестра и моя кузина. Вы доели? — обернулся он к нам.

Оставив нас под охраной Микая Стив отнес плошки на камбуз, и мы вчетвером устроились поближе к носу. Сюда летели соленые брызги, но корма была отведена для первого и второго классов.

Наш новый знакомый мог бы с успехом играть в театре и блестящего рыцаря, и благородного разбойника. Черные кудри выглядели чистыми и опрятными, подстриженная бородка выгодно отличалась от зарослей Стива, на загоревшем лице горели веселые глаза, камзол сидел по фигуре, и фигура эта была... Виола, неприлично так рассматривать малознакомого мужчину!

Судя по виду, Микаю положено было ехать во втором классе. Что он забыл на нашей палубе? — Господин Микай, могу я полюбопытствовать? Вы не похожи на пассажира третьего класса. — Прошу вас, Виола, оставим пафосные обращения. — Он развел он руками. — Увы, дела требуют моего немедленного возвращения в Риконбрию, а это единственное место, которое мне удалось найти. Ждать еще неделю я посчитал бесполезным. — Разорился, что ль? — проявил чудеса догадливости и не меньшие чудеса бестактности вернувшийся Стив.

Но Микай лишь рассмеялся. — Да, моя южная концессия потерпела крах. Увы, я так и не привык использовать рабов, а свободные люди обходятся дороже. Но не беда, у меня в Риконбрии остались земли и мануфактуры. Надеюсь, младший брат их не разорил за те полгода, что прошли с последнего письма. — Полагаю, господином я вас назвала зря? — Виола, пусть это останется нашим секретом. Боюсь, что в третьем классе аристократа примут дурно, и я не хочу оставшиеся дни ждать удара в спину.

Потертый лорд прибил к нашей компании, что, с одной стороны, лишало нас возможности поговорить о наших делах, но с другой, задирать сразу двух мужчин, которые уже показали, на что они способны, желающих не нашлось. Вскоре я заметила, что Стив шепчется о чем-то с Риви и старается увлечь ее подальше от всех. Я давала им возможность поговорить, и Микай составлял мне компанию — одинокой женщине на палубе третьего класса было бы труднее. — Виола, позвольте и мне полюбопытствовать? — спросил Микай на третий день, поглядывая в сторону Стива, который стоял с Риви у противоположного борта. — Конечно, — улыбнулась я, кляня себя, что мы со Стивом не договорились о придуманной биографии. — Вы со Стивом очень разные, я бы никогда не подумал, что вы не то, что родственники, но даже можете быть знакомы.

Я ответила первое, что пришло в голову: — У нас разные матери. — О, понимаю и уважаю решение вашего отца. Не всякий решится принять участие в судьбе ошибки молодости. — Э... м... Стив на самом деле очень хороший, но увы... — Да-да, издержки среды, в которой он вырос.

Мы посмотрели туда, где "ошибка молодости" сидела рядом с Риви на бухте каната. Я решила уточнить: — Риви — наша очень дальняя родственница, но Стив называет ее кузиной для краткости. — Полагаю, очень дальняя, — улыбнулся Микай. — Как же вас троих занесло на юг? — Неудачные дела, — я ответила настолько туманно, насколько позволяли приличия. — К счастью, мы уже возвращаемся. Жду не дождусь, когда сойду на Риконбрийском берегу. — Но и у вас, и у Стива шалпийский акцент. — Да, мы из Шалпии. Но сейчас я учусь в риконбрийском университете. Мы задержались сверх положенного, и надеюсь, мне дадут продолжить учебу. — Было бы жаль потерять такого прелестного лекаря. — Почему же лекаря? — Разве вы не на лекарском? О, наверное, вы будущий аптекарь! — Нет. Я инженер. Будущий, — уточнила я и принялась наслаждаться обескураженным видом кавалера.

Микай рассматривал меня, будто я сообщила, что только притворяюсь человеком, а на самом деле я чайка. Или тюлень. — Но... но зачем вам?

Я постаралась в точности скопировать его взгляд: — Зачем мне что? Профессия?

Микай улыбнулся: — Зачем прекрасной госпоже профессия, я понимаю. Но зачем прекрасной госпоже возиться с грубыми механизмами? Сушить мозги над схемами? Все эти колеса, шестеренки, шарниры... Ведь милые девушки любят все красивое.

Я приподняла бровь: — Признаться, не понимаю ваших затруднений. Вам показалось, что у меня высохли мозги? Уверю вас, любой маглекарь опровергнет это утверждение.

Микай рассмеялся и поднял руки вверх: — Признаю свое поражение. Увы, не могу пригласить вас на прогулку, — он обвел рукой небольшое пространство палубы, которое отдали третьему классу, — но могу помочь забраться на место поудобнее.

Он посадил меня на конструкцию у носа и сам забрался следом, и мы сидели, глядя на то, как судно разрезает волны в угасающем свете дня. Я задрала голову, наблюдая, как паруса меняют цвет. — Если бы я был художником, — произнес Микай, — я бы написал вас вот такой, на фоне заката и розовеющих парусов, с развевающимися волосами. — И погрешили бы против истины, — усмехнулась я, — мои волосы, как видите, не развеваются. — Могу я осмелиться попросить вас вынуть шпильки? Может статься, я возьму классы живописи.

Я пожала плечами и выпустила пряди, которые едва доставали до плеч. Встряхнув волосами я глянула на

Микая. — Не ожидали? Мне пришлось путешествовать в одиночку, и я предпочла одежду юноши. — Мне сложно поверить, что не нашлось никакого достойного спутника, чтобы сопроводить вас в путешествии. — Я не привыкла никого утруждать своими делами и веду в Байроканде самостоятельную жизнь. Волосы — небольшая плата за свободу. — Вы из тех женщин, что ценят свободу?

Я недобро усмехнулась: — Вы говорите так, будто это плохо. Вы сами согласились бы обменять право распоряжаться своей жизнью на доходное дело? — Доходное дело само по себе заставляет менять жизнь. — Но по вашим правилам. А по чужим? Вы сами говорили, что свободные люди обходятся дороже — и самим себе тоже.

Микай посмотрел на меня с интересом: — Может, стоит выбрать того, кто не стал бы диктовать вам правила?

Я пожала плечами: — Сложно угадать заранее. Женщина всегда рискует. Если женщина не умеет быть самостоятельной, она рискует вдвойне. Проще обрезать волосы, — я взлохматила прическу, которую ветер уже и так растрепал донельзя. — Раньше я думал, что только магички такие свободолобивые. Неужели они заразили этим поветрием и прочих студенток? О горе, горе нам! — он притворно закатил глаза.

Я принялась собирать волосы назад, прикалывая их шпильками, и бросила: — Я магичка. У меня диплом магической академии.

Повисло молчание. Теперь Микай смотрел на меня, будто я чайка с двумя головами. — Но вы же учитесь на инженера, — наконец, выдал он. — Я решила, что магженеру пригодятся инженерные знания без магии. Не стоит полагаться на заклятия и потоки магии везде и всюду. — Я глянула вокруг, — Микай, уже темнеет, я бы хотела вернуться в каюту. — Конечно, я провожу вас.

Он подал мне руку, помогая спуститься на палубу и провел меня до дверей в наш женский отсек.

Меня никогда особо не волновала репутация магичек. Пусть люди думают, что хотят. Я — это я. И вот теперь эту репутацию приложили ко мне. Но как бы ни нравился мне Микай, оправдываться я не собиралась.

Утром Микай как ни в чем не бывало присоединился к нам за завтраком, заняв привычное место рядом со мной. Началась сильная качка, и он подхватывал меня под локоть, чтоб я не упала. Это было приятно.

В полдень поднялся сильный ветер, качало сильнее, и пассажиров попросили вернуться в каюты. Надвигался шторм. Обняв друг друга мы с Риви сели на нижнюю кровать. Волны играли судном, и порой казалось, что еще немного, и мы перевернемся. Кому-то было плохо, кто-то плакал, кто-то причитал и молился. А я думала, как же это было бы глупо — избежать стольких опасностей и погибнуть теперь на пути к дому.

К вечеру море начало успокаиваться. Мы с Риви вышли на палубу и нашли там Стива и Микая. Мы вчетвером обнялись — чувство избавления от смерти коснулось всех. Стив сбегал за хлебом, сыром и водой для всех — готовить при таких волнах было невозможно, и от горячего сегодня на камбузе отказались. Пропустив обед мы были порядком голодны. Я жевала свою порцию и не торопясь ощупывала своим даром корабль. Стив заметил мой сосредоточенный взгляд и тихо спросил: — Тебе магии хватит? — На проверку точно хватит. Вот если что-то найду... — и я покачала головой. — Во-от, а я говорил, что нельзя ценными вещами разбрасываться, — осклабился Стив.

Риви улыбнулась, а Микай вопросительным посмотрел на Стива и на меня. Стив неопределенно махнул головой в мою сторону: — Магичит.

Я вернулась к делу. А ведь и правда, Стив же вернул накопитель! Мне все еще было совестно перед тем развратником-спасителем, но вдруг придется что-то чинить.

Придется.

Я не знала, насколько важно то, что я обнаружила. Нужно идти к капитану, но это не маленькая "Дикая сирена", где все отвлеклись на надвигающийся корабль, и парнишка беспрепятственно прибежал на мостик, чтоб сообщить о пиратах. Это судно раза в два больше, и нас не то, что к мостику, нас через второй класс не пропустят.

Стив первым заметил, что что-то не так: — Сеструха, нашла чего?

Я кивнула: — Не знаю, насколько это важно. Может, и неважно совсем, а может, завтра корабль развалится. — Починить можешь? — Стив говорил, понизив голос, чтоб не пугать остальных пассажиров. — Могу попробовать. Но я не уверена, как было раньше, до того, как сломалось. Я могу нарисовать, чтоб капитан посмотрел, он наверняка знает. Но как к нему пробраться...

Микай переводил озадаченный взгляд с меня на Стива: — Виола, у тебя такая сильная магия? — Не сильная, но я умею ее использовать, — ответила я.

Микай встал: — Я попробую поговорить с капитаном. — Думаешь, пассажира третьего класса туда пустят? — Пассажира третьего класса вряд ли, но лорда Алсайнота, представителя младшей ветви графского рода Алсайд, должны пустить.

Он коротко нам поклонился и ушел. Мы со Стивом обалдело переглянулись, и мой напарник присвистнул.

Через четверть часа к нам подошел матрос: — Кто из вас госпожа Виола? — Я, — ответила я поднимаясь, и Стив с Риви тоже встали. — Следуйте за мной. — Вместе пойдем, — постановил Стив, и матрос лишь махнул рукой.

На мостике мне дали карандаш и бумагу, и я принялась за дело. Раз за разом обращаясь к дару я разбиралась в переплетении магических линий, разных для разных материалов, и в конце концов набросала примерно то, что творилось в двух узлах корабля у днища. Меня обеспокоила некоторая несогласованность, и по встревоженным лицам офицеров я поняла, что не ошиблась — судно пострадало во время шторма. — Может, конечно, пройдем. Шторм задержал нас на день, но три дня должно выдержать, — задумчиво проговорил капитан. — А если снова шторм? Или сильная качка? — усомнился старпом.

Капитан сжал губы и сосредоточенно думал. Наконец, он ткнул пальцем в мой рисунок: — Вот здесь металл. Сможешь спаять?

Я покачала головой: — Скобы отошли друг от друга. Их нужно свести вместе. — Ясно. А дерево магией не крепится. — Нет, — подтвердила я. — Можно поставить еще скобы, если есть, и заплаты. Я спаяю. — Придется матросам лезть внутрь, — кивнул капитан. — И мне, — добавила я к удивлению всех присутствующих. — Что? Зачем? — У нас есть накопитель, — призналась я. — Но для такого объема работ мне лучше находиться поблизости, иначе магия может закончиться раньше, чем я все почию.

Через час все было готово. Меня переодели в матросские штаны и куртку, отняв у худошавого юнги его запасы. Темнело, и у одного из матросов в руках горел артефактный светильник. К счастью, несмотря на все морские суеверия, капитан держал такой про запас. Второго матроса нагрузили материалами и инструментами.

Нижний трюм был низким, пришлось идти полусогнутыми. Мы пробирались среди ящиков и бочек к тому месту, которое я указала на схеме. Иногда я останавливалась и уточняла наше положение магией. Наконец, мы пришли. Матросы открыли пол и принялись выгребать песок, уложенный для балласта, чтоб добраться до узла.

Мы провозились полночи. Отрыть узел, свести вместе металл, заварить, закрепить магией, зарыть, уложить пол на место. Найти второй узел, и снова — отрыть, починить, на этот раз заплатами, заварить, закрепить, зарыть, уложить пол.

Все это время мне было жутко. Подо мной, за досками и слоем песка ждала добычи океанская глубина. И хоть обшивка была заговорена от протекания на совесть, я поежилась, представив, что будет, если сюда ударит волна

сквозь пробоину.

Мы уже были готовы повернуть назад, как судно шатнуло. Один из матросов, не удержавшись, покатился по накренившемуся полу, а сложенные один на другой ящики угрожающе закрипели, натянув крепления. Помню, Стив говорил, что их хорошо крепят, иначе при качке они разобьют судно, но магия внутри меня шевельнулась и заставила проверить и здесь. — Они сорвутся! Они сейчас сорвутся! — заорала я, указывая на ближайшую к нам грудю. Корабль выпрямился, и второй матрос, который держал светильник, пошел к стенке. — Демоны четырежды драные коленом с подвыпертом! — парень обернулся ко мне с ужасом на лице. — Эй, у тебя заплатка еще есть? — крикнула я тому, который брел к нам от противоположной стенки.

Корабль мотало. — Есть! Демоны хвосторогие, как здесь зацепиться?

Его швырнуло на ту же кучу ящиков, которая недавно угрожала его задавить. — Магичка, дай ему руку, и оба сюда! — скомандовал матрос со светильником.

Цепляясь за ящики и друг за друга мы собрались у едва державшегося крепления. Парни взяли за плечи, и упираясь руками и ногами в пол, в ящики, в обшивку, сделали для меня живую загородку, пока я прикладывала заплату. Меня швыряло то на одного, то на другого, но они не давали мне отлететь, и я закончила работу.

Когда опасность миновала, мы втроем, не отпуская друг друга, забились в тот же угол. Но я тут же взвилась: — Что, если другие крепления пострадали? — Демоны драные... проверь... — вздохнул матрос.

И я проверяла. Мы перебирались между ящиками и бочами. Я не хотела расходовать магию для проверки с расстояния. Чертыхаясь, сгибаясь и опасаясь, что сорвавшаяся бочка кого-нибудь из нас раздавит, мы прошли по всей нижней палубе от кормы до носа. Матросы ловили меня при сильных толчках, но несмотря на это каждого из нас по не один раз приложило о борта или о груз. К счастью, все остальное было в порядке.

Мы выбрались на верхнюю палубу, когда над горизонтом серело небо. Втроем мы повалились на брезент. Качало уже существенно меньше. — Что? — спросил капитан. — Шваркнуло вас там? — Шваркнуло, — приподняла я голову, — к креплению, которое вот-вот сорвется. У нас оставалась заплатка. Парни меня держали, пока я работала.

Капитан помянул неестественно размножающихся демонов и спросил, проверили ли мы остальное. Я кивнула. — Госпожа, дайте руку, пройдемте на мостик. — Капитан махнул старпому и матросам, глазевшим на нашу компанию. — Помогите этим двоим дойти в кубрик. Выдать им по кружке рома, и завтра пусть отдыхают.

Мне предложили переселиться во второй класс — в каюте у одной матери семейства нашлось свободное место, но я отказалась уходить от друзей, а других мест не было. Мы попросили держать мою магическую сущность в тайне — лишнее внимание мне не нужно. Капитан приказал подать ужин первого класса на нас на всех и достал бутылку вина. Даже холодные закуски были не в пример приятнее куска хлеба с простым сыром. Я посчитала это достаточной наградой.

Микай сидел рядом и с беспокойством на меня поглядывал. Видок у меня был еще тот — ссадины и отметины от ударов, растрепанные волосы, и судя по ощущениям, я должна быть бледная с ввалившимися глазами. В обыкновенной работе магию можно цедить тонкой струйкой, но здесь пришлось действовать быстро, что не могло не сказаться ни на моем магическом, ни физическом здоровье.

От вина я слегка захмелела. Добраться до каюты мне помог потомок графского рода вместе с моим напарником-карманником. Внутрь мужчины не пошли, чтоб не поднимать скандал среди пассажирок, но Риви перехватила меня и помогла улечься, уступив нижнюю полку. Мне стало неловко, что девушка стягивает с меня лежащей штаны и куртку, но я уже проваливалась в сон. Вокруг бурчали, что мы мешаем спать, но Риви на них шикнула и укутала меня в одеяло.

Я проснулась после обеда. Чувствуя себя гораздо лучше я добралась до ванной комнаты. Третьему классу отвели каморку с тазами и баком с водой, но это было лучше, чем ничего. Сцепив зубы, я вымылась прохладной водой, закрепила влажные пряди шпильками и вышла на палубу. Ко мне тут же подскочила оставшаяся компания. Микай оказался быстрее всех, подхватил меня под локоть и увел туда, где можно сесть.

Я снова пересказала наши приключения на нижней палубе. Микай между делом взял меня за руку и накрыл ладонью ссадины. Как-то невзначай мы перешли на "ты". Стив хитро улыбнулся. Вскоре он увел Риви посидеть на носу, и мы остались вдвоем.

Я подставила лицо солнцу. От магичек никто не ожидает аристократической белизны кожи. Ласковые лучи, голубое небо... А внутри у меня царил раздрай. Микай мне нравился, даже очень. Но не попаду ли я в клетку? Чт победит — его чувства или его отношение к женщинам?

Микай осторожно погладил мою руку и заговорил: — Виола, я должен извиниться перед тобой. То, на что ты пошла вчера, это... — Это обычная работа магженера. Думаешь, я в первый раз в брюках пробиралась сквозь конструкции? В бушующем океане, признаю, в первый. Но однажды мы крепили опоры моста, и я с командой из трех рабочих висела на платформе, которую держали канаты. Под нами текла глубокая и быстрая река. Конечно, каждого из нас обвязали веревкой, но поднявшийся ветер несколько раз ударил платформой о мост. Другой раз я

три часа просидела скорчившись на высоте четвертого этажа, когда мы крепили подъемник для мастерской механизмов. Это жизнь, которую я выбрала, и от которой я не откажусь.

Микай помолчал, но руку не выпустил. — Мне странно слышать о таком выборе от девушки, но с другой стороны, вчера я понял — что я о вас, магах, знаю? Только досужие сплетни. Раньше я не видел работы магов вблизи, кроме маглекарей, а у них жизнь тихая. — Да уж, — усмехнулась я. — Особенно, когда пробираются к больному по метели или ночью сквозь ливень. — Хм. Но уж зельевары живут спокойно? — Зельевары порой сталкиваются с некачественными ингредиентами и залечивают ожоги. А те, кто ставит собственные эксперименты, страдают еще чаще. — А стихийники земли, кто работает с растениями? — Выезжают на поля и ходят под дождем по колено в грязи. Микай, развить магический дар и приобрести достаточно знаний для полноценной работы могут далеко не все из тех, кто обладает магией. Дар такой силы, который имеет смысл развивать, в лучшем случае у одного из двадцати человек, а то и меньше. Отними от них тех, кто не хочет учиться и работать магом, кто слишком ленив или неспособен усвоить даже годовалый курс, кто живет в таких местах, где нет возможности учиться магии, кто вообще не может доехать до академии и оплатить учебу... Хорошо обученных магов мало, и если мы выбираем этот путь, легкой жизни ждать не придется. Теперь ты понимаешь, почему нам все равно, что о нас болтают?

Микай осторожно поцеловал мою руку рядом с садинами. — Прости, я... я был неправ. Ты удивительная, — он улыбнулся, — даже для магички.

Этот солнечный день мы провели вдвоем на палубе. Стив с Риви присоединились к нам за обедом, и когда они вновь ушли к другому борту, Стив обернулся и подмигнул мне.

К вечеру Микай не стесняясь придерживал меня за талию, когда мы стояли у борта, и судно подпрыгивало на волнах, или переплетал пальцы с моими, когда мы сидели где-нибудь в тени. У него была интересная жизнь на юге, Микай даже мог изъясняться на двух южных языках достаточно, чтоб договариваться о ценах и покупать провизию. Это меня впечатлило. И еще он многое узнал о местных обычаях. — Представляешь, несколько раз со мной пытались расплатиться женщинами. — Как — женщинами? Ты имеешь в виду, теми, кто... ну... — Нет, предлагали мне женщин в наложницы, дочерей или сестер. — Это... ужасно. — Это их жизнь. Если подумать, договорные браки у нас на севере ничем не лучше. — Брак — это все-таки брак. И жена одна. — Вот-вот, одна. А на юге, если нет прислуги, женщины делят работу по дому между собой. Если женщина одна, и ей приходится все делать самой, она очень недовольна и корит мужчину, что не заработал на вторую. — Но все же такой подход... — я передернула плечами. — Понимаю, — рассмеялся Микай. — Нужно родиться в этом мире, чтобы он казался нормальным. Я, как видишь, тоже отказался от такого рода оплаты. — И кто же занимался твоим хозяйством? — Две пожилые вдовы. Хозяйства у меня было мало, я жил один все пять лет. И, — он осторожно глянул на меня, — мне надоело одиночество. — Ты едешь к семье.

Микай поспешил переменить тему.

После ужина на палубе третьего класса устроили танцы. У кого-то нашлась простенькая скрипка, принесли две флейты и тамбурин, кто-то стучал ложками, и вскоре танцоры затопали так, что я опасалась за целостность палубы. Микай уговорил меня влиться в общее веселье и завертел в простонародной пляске. Раздухарившись, он доскакал со мной до Стива и Риви, которые все еще сидели у борта, и протянул девушке руку. Я хотела его остановить, но Риви неожиданно подала ему ладонь, Стив подхватил ее за другую руку, и вскоре мы вчетвером закружились в хороводе. Риви улыбалась. К нам присоединялись все новые и новые люди, и закончили мы под аплодисменты доброй половины пассажиров.

Отдышавшись, я оглянулась на Риви, но не нашла ее. Встревожившись, я завертела головой, и обнаружила девушку около музыкантов. Она что-то им объясняла, взяла тамбурин и принялась отстукивать ритм. Музыканты подхватили мелодию, и Риви запела.

Сильный голос Риви разносился над водой. Затихли все. У перил бортика, который отгораживал второй класс, столпились пассажиры. Кажется, я видела пару-тройку платьев, принадлежащих особам из первого.

Она пела о северной реке, которая начинается с маленького ручейка, пробивается сквозь камни, журчит вдоль лугов, плещет пеной на порогах, катит волны угрожая обрушить мосты и потопить лодки и, наконец, шумным потоком впадает в море. После засушливых южных стран тем, кто возвращался домой, эта песня особенно пришлась по вкусу.

Я скосила глаза на Стива. Он сидел, расслабленно вытянув ноги, и вся его фигура выражала облегчение.

И снова были танцы, и Риви спела еще две песни, на этот раз веселые, задорные, под которые можно было кружить хоровод или подпрыгивать и вертеться, взявшись с Микаем за руки.

Когда выпивки стало больше, чем песен, Стив сделал знак уходить. И правда, пожалуй, стоит закончить вечер на приятной ноте. Мужчины довели нас до каюты, и мы с Риви упали без сил на кровати. Я едва не отбила пятки в плясках, а Риви в первый раз за долгое время выступала перед теми, кто не собирался покупать ее тело.

Следующий день начался уныло. Моросил дождь, и судно едва двигалось, хлопая мокрыми парусами. Стив с Микаем устроили закуток под брезентом на палубе, куда притащили пару ящиков, и мы вчетвером сгрудились в импровизированной "беседке", чтоб не оставаться в душных каютах. Риви выглядела заметно веселее, чем раньше, шутила, улыбалась и с благодарностью смотрела на Стива. А у того сверкали глаза. Надо же, как интересно складывается жизнь.

Микай придерживал меня за талию, даже когда в этом не было никакой необходимости, и это было... мило.

Ближе к вечеру развиднелось, мы выползли из своего убежища и разбрелись по мокрой палубе. За мной пришел матрос и передал просьбу починить колесо на снасти. Микай отправился со мной. Магии у меня осталось совсем мало, но с помощью магического зрения я увидела, из-за чего застопорился блок, и командуя матросами, куда тянуть и где ослабить, привела снасть в рабочее состояние.

Мы вернулись, когда разгорался закат. И вместе с ним разгорались глаза Микая. Он повел туда, где было меньше всего людей. Я догадывалась, что речь пойдет не о дружбе, но и представить не могла, что Микай начнет напрямую. — Виола, я не хочу с тобой расставаться.

Мои брови поползли вверх. — Нет, ты не подумай, — продолжал он, — я серьезен, я совершенно серьезен с тобой. Я не позволю себе ничего бесчестного. Прошу, выслушай меня. Я, наверное, совсем разучился ухаживать за женщинами. Но мне кажется... ведь я тебя привлекаю?

Я несмело кивнула. На лице Микая расцвела воодушевленная страсть. — Виола... — он взял мою руку, медленно поднес к губам и поцеловал тыльную сторону, ладонь, запястье.

Мужчина обнял меня за талию и притянул к себе, глядя на меня потемневшим взглядом. — Виола, ты нужна мне. Ты свела меня с ума, вот такая, в этом бедном потрепанном платье, стриженная, безо всяких этих ваших женских штучек, ты, ты сама. Мне плевать, что было у тебя в жизни раньше, ты нужна мне вся. — Микай, ты не мог бы меня отпустить... — от неожиданности я принялась упираться ладонями ему в грудь.

Как-то слишком быстро все произошло. Куда он торопится? Мы знаем друг друга всего ничего. Графство Алсайд лежит к северу от Байроканда, и мы будем жить не так далеко друг от друга.

— Нет! Я не отпущу тебя никуда, ты невероятная. Ты сокровище, которое мне повезло найти. Виола, любимая... Хочешь, мы поженимся, как только сойдем с корабля? Или хочешь пышную свадьбу со своими родными и подругами? — Микай, я... я хочу поговорить... Не торопись, пожалуйста. — Виола, это выше моих сил. Я не отпущу тебя никогда.

Что ему сказать? Что сказать мужчине, который смотрит горящим от страсти взглядом и держит меня в руках? Он притягивал меня ближе, его горячая ладонь скользила по моей спине.

Сейчас он меня поцелует.

Я почувствовала себя героиней одного из тех романов, которые мне подсовывали подружки в академии. По сюжету я должна была пасть в объятия сильного прекрасного мужчины, родить от него детей и стать ему верной спутницей жизни.

Никогда не понимала, как можно стать спутницей жизни мужчины, который не способен выполнить простую просьбу. Я начала злиться. — Микай. Отпусти меня. Пожалуйста.

Ничего не ответив, он потянулся к моим губам.

Демоны бы подрали эти юбки. Толком не размахнуться. Но я все-таки чувствительно пнула героя-любовника коленом. — Виола, ты что?

От неожиданности он разжал руки. — Я просила отпустить меня, — процедила я сквозь зубы. — Микай, не приближайся больше ко мне. Я не желаю иметь дело с мужчиной, который меня не слышит.

Быстрым шагом я шла в нашу с Риви каюту. Мелком увидела два силуэта у борта — Риви и Стив смотрели на закат. А я, едва вошла, взлетела на верхнюю лежанку, бросилась лицом в подушку и ударила по ней кулаком.

Я не собиралась идти на ужин, но решила, что лучше не возбуждать излишних вопросов. За ужином я села рядом с Риви, Микай занял место подальше и не смотрел в мою сторону. Тем лучше.

* * *

— Эй, сеструха, какая кошка пробежала между тобой и Микаем?

Стив поймал меня рано утром, когда я вышла подышать после беспокойной ночи. Я то засыпала, то просыпалась, то лежала, глядя в потолок, по которому металась отблески луны от волн. — Неважно. — Важно. Если он с тобой что сделал... — Сделал. Он сделал мне предложение.

Стивен присвистнул. — И чего ты такая бешеная тогда? Когда женитесь-то? — Никогда.

На этот раз свист был длиннее и звонче. — Чего так?

Я молчала. — Виола, если он что сделал не то, ты только скажи.

Я вздохнула. Не отвяжется же, а может, примется выпытывать у Микая, и если тот скажет неловкое слово, начнется драка. — Стив, я никогда не любила властных мужчин. Я не хочу вечно отвоевывать право быть собой. Нет, Микай ничего мне не сделал, но он меня не услышал. — Понял. Значит, бить его не надо. — Не надо. Но.. спасибо, Стив. — Я попробовала улыбнуться. — Да ладна...

Снизу показалась Риви, Стив подмигнул мне и ушел к девушке.

* * *

Ближе к вечеру наше судно пришвартовалось у риконбрийского причала. Микай спустился по сходням вместе с нами, махнул Стиву и затерялся в толпе на пристани.

Мы наняли кэбрио, хоть возница и смотрел на нас с опаской, но Стив показал серебряк, и это решило дело. Нас пообещали привезти в приличную таверну с комнатами в ремесленном районе, и мы покатили по улице. Не сговариваясь, мы с Риви всхлипнули и заплакали. Стив, вжимавшийся в стенку кэба, смотрел на нас удивленными глазами: — Виола... Риви... вы чего? чего вы?

Как объяснить ему, что я все это время жила в невероятном напряжении и уже не верила, что когда-нибудь вернусь туда, где мне не станет грозить опасность на каждом шагу? А Риви... я обняла девушку, и та всхлипывая плакала у меня на плече. Риви и подавно не думала, что вырвется из бутенского ада.

Расплачиваясь в таверне, Стив грустно взглянул в кошелек. — Стив, не вздумай! Здесь мы можем заработать!

Но тот лишь ухмыльнулся, провел нас в комнату и куда-то ушел. Я кусала губы. Риви подседа ко мне. — Виола, вы со Стивом давно знакомы? — С острова. Мы вместе бежали. Я дала обещание твоему отцу вытащить тебя из плена, и Стив поехал со мной. Честно говоря, я бы одна не справилась. Но как он добывает деньги... Риви, он же умный парень, он мог бы заработать! Почему? И как его переубедить? Вот сейчас он снова грабит какого-то невинного человека. Ладно, в Серонте, там привлекают пиратов, и я надеюсь, он и правда выбрал кого-нибудь, кто сам замазан в преступности. Но здесь... Неужели он не мог найти другого пути заработать пару монет? Я бы могла поработать, мне только нужно два-три дня, чтоб найти желающих и убедить их, что я магженер! Были бы документы, я бы завтра уже заработала несколько серебряных!

Риви вздохнула: — Виола, ты понимаешь, что он сделал невозможное? То есть, вы вдвоем сделали невозможное. Но ты сама говоришь, что без него ничего не получилось бы. — Да, и при таких талантах он всего-лишь карманник! — Ты доверилась ему. Доверь ему и в этом. Он знает, что делает.

Я покачала головой и ничего не ответила.

Мы переночевали в таверне и к полудню следующего дня добрались до городка, где жила тетка Риви. Ее домик был небольшим, аккуратным, украшенным цветочными ящиками, как и многие на этой улице. Стив постучал и отошел в сторону. Вскоре послышались шаги, и вышла женщина средних лет, вытирая мокрые руки о белый передник. — Риви? Риви! Девочка моя!

Она стиснула девушку в объятиях. — Живая! Звезды всевидящие, живая! Живая! А Мэйсон... — она заглянула в глаза племяннице.

Та покачала головой: — Только я спаслась.

Тетушка снова сжала ее в объятиях и пригласила нас в дом. Утирая слезы радости и скорби она собирала на стол. — Мэйсон с Риви ко мне ехали, думали тут жить остаться. Сыновья у меня разлетелись, дом пустой, только мы с мужем. Уж как я корила себя, что их звала, когда газеты написали, что корабль пропал. Что случилось, девочка моя? Говорили, море спокойное было.

Мы со Стивом напряглись. Может статься, что придется уходить отсюда вместе с Риви.

Тетушка глянула на нас: — Пираты?

Я скосила глаза на Риви. Та сидела бледная и смотрела вперед отчаянным взглядом.

Тетушка поставила чайник на стол и села с ней рядом, обняв девушку за плечи. — Это ничего, девочка, ничего. Все пройдет. Главное, что живая, остальное как-нибудь.

Риви уткнулась ей в плечо.

Мы выдохнули, и Стив потянулся к плюшке.

Надолго мы у тетушки не стали задерживаться, и выпив по чашке чая, съев по сладкой сдобе, принялись прощаться.

Мы отошли на несколько кварталов. На нашем пути лежал маленький скверик со скамейками. Вокруг никого не было. Я решила поговорить со Стивом и сделала знак присесть. — Стив, я думаю, что сама смогу добраться до Байроканда. Если ты хочешь задержаться здесь, чтоб дальше ухаживать за Риви. Я пойму. — Сеструха, ты чего? Ты решила, что я за ней ухлестываю? — Ну... да... разве нет? — Виола, ну ты даешь. Ты что, ни демона не понимаешь в жизни? Уж что-что, а мужики ей пока совсем не нужны. — Но... вы столько времени проводили вместе, что я подумала, у тебя к ней интерес. — О-о-о, — Стив картинно схватился за голову. — Ты все говорила, что ежели какой мужик тебя оприходует без спросу, ты пойдешь акул кормить. Думаешь, она другая? Тебя хотя бы Риан уже... того... и ведь любил, не принудил, ты сама согласилась в первый раз?

Я кивнула.

— А ее в Бутен непаханой привезли и на торги выставили! А как покупатель набаловался, продал в "Цветы", где ее раз в неделю новый клиент драл! Полгода! Держали в этих, чтоб их демоны подрали, "Цветах", только во внутренний дворик выпускали, глаз с нее не сводили, а то б она давно там в петлю полезла! Грозили, что если будет кочервряжиться, в портовый кабак продадут! — он скривил рот. — Она чуть за борт не бросилась, когда пришла в себя после побега! А ты... ухлестывать...

Стив зло выговаривал мне, а я опустила голову от стыда.

— Я уговаривал ее, чтобы она продолжала жить. Ради отца и матери, хоть их уже и нет, ради себя, потому что у нее все еще впереди, вся жизнь. — У тебя получилось? — тихо спросила я. — Надеюсь, — дернул плечом Стив. — По крайней мере, больше в воду не смотрела, рассветом любовалась, снова петь начала... Она же раньше в театре выступала. Вроде тетка у нее хорошая. А если что, есть, кому помочь. — Прости. Я и правда не поняла. — Ладно. Надо устраиваться на ночлег. Где-то в этой части города таверна была, судя по публике, ничего себе так.

Стив оплатил две комнаты. Таверна была, и правда, так себе, хоть публика и чистая. Удобства — одни на все восемь комнат в конце коридора, а в соседней комнатке водопровод с умывальником и бадья, чтоб вымыться. Негусто, но лучше, чем ничего. Уж не мне, кто мылся в море, вися на канате, привередничать.

Поэтому я сообщила Стиву, что хочу вымыться и отдохнуть. Он пообещал вернуться через пару часов к ужину. Мне не хотелось есть в общем зале, я устала от людей, и Стив пообещал принести все в комнату.

— Слушай, — сказал Стив, когда я закончила с рагу. — Мы через такое прошли с тобой... Всякое ведь было...

Я кивнула: — Я тебе очень признательна за твою помощь. Даже не знаю, чем бы я могла тебя отблагодарить. — Я знаю, чем! Дело есть, мне одному не справиться. — Какое? Только не говори, что ты задумал кражу века, и тебе нужна помощница, — засмеялась я, но Стив даже не улыбнулся.

Он вздохнул и настороженно глянул на меня. — Стив? Что? Стив? О нет... Ты серьезно? Ты решил кого-то обокрасть и хочешь, чтоб я тебе помогла? Демоны! Слушай, я молчала, когда ты срезал кошельки, ты обещал, что они не последние у тех господ, а мы и в правду были в отчаянном положении, но мне до сих пор совестно. Но я не буду становиться воровкой. — Виола, этот человек не просто богат, а невероятно богат. Даже ты не увидишь столько денег за всю свою жизнь. Мне нужно всего-лишь одно ожерелье, которое ему самому досталось нечестно, поверь мне.

Я ковырляла вилкой остатки рагу. — Стив. Я не преступница. — Тебе не нужно будет ничего делать, только отвлечь немного, я все сделаю сам. Виола, ты спрашивала, как меня отблагодарить, так вот, благодари.

Я молчала. — Лады, ты подумай до утра, ага?

Остаток вечера я ходила по комнате, ломая пальцы. Потом переоделась в ночную сорочку, выключила свет и смотрела на город. Кем я буду, если соглашусь помочь Стиву? Обратной дороги нет. Один раз украв чужое я буду воровкой навсегда, даже если больше ни у кого никогда не возьму ни гроша.

Я легла спать, но сон ко мне не шел. Кажется, я проваливалась в забытие, но вскоре просыпалась, ходила по комнате и снова смотрела в окно.

На рассвете я взяла вещи и пошла в комнату в конце коридора — приводить себя в порядок. Там я глянула на себя в зеркало и ужаснулась: бледная, с синяками под глазами, с искусанными губами... Может, Стив испугается и убежит?

Едва я пришла в комнату, как постучался Стив. Я открыла дверь. — Что с тобой? — Стив вошел в комнату и удивленно воззрился на меня. — Стив, я... я не буду воровать ничего. Прости. Я очень благодарна тебе за помощь, но ничего красть я не буду. — Ты всю ночь не спала и плакала из-за того, что придется грабить гнусного толстосума?

Я кивнула и посмотрела в пол. Стив вздохнул. — Виола, давай сядем и поговорим. — Стив, нам не о чем говорить. Я не буду этого делать. — Хм... поспорить с тобой, что ли, на поцелуй, что я тебя уговорю?

Я нервно хихикнула: — Чтобы я точно не согласилась? Спорим! — На поцелуй?

Сама не понимая, что на меня нашло, пошатываясь от бессонной ночи я кивнула. — Садись, — он показал рукой на кровать, сам сел на стул развернув его лицом ко мне. — С чего бы начать... Влей немного магии вот сюда, — Стив протянул мне запястье, я влила туда крошку и с удивлением воззрилась на появившийся в воздухе светящийся синим герб Шалпии и рядом с ним, поменьше, серый герб Риконбрии.

Руну с гербом Шалпии вживляют тем, кто так или иначе работает на Шалпийские законы. Синий цвет — значит, человек не на государственной службе. Это может быть поверенный, частный законник или... — Ты осведомитель у стражи? — Что? Нет! — Стив рассмеялся. — Я Стивен Белт, частный исследователь с правом действия по всей Шалпии и правом на обращение за содействием в Риконбрии. — Частный исследователь? И что ты расследуешь?

Мне казалось, Стив решил меня разыграть в своей грубоватой манере. Уж не знаю, как он заполучил руну. Наверное, и вправду осведомитель.

— Всякое бывает. Кому-то нужно вернуть компрометирующие бумаги. Кого-то шантажируют прошлым. Кто-то просто хочет найти старого знакомого и передать письмо. Кто-то не желает показывать королевским служащим, какие у него есть сокровища, точнее, были до того, как его ограбили. У кого-то дочь сбежала с учителем музыки, а это слишком личное дело, чтоб впутывать стражу.

Меня увлек рассказ Стива, но я восприняла его как забавную игру. — С бумагами я понимаю, но что ты делаешь с дочерью? — Я могу выяснить, где они находятся, и дальше по обстоятельствам: успокоить, что с дочерью все в порядке, или, наоборот, привести чадо за ухо к родителю и собрать подноготную совратителя. Или м... наказать, если парень оказался поставщиком товара в места вроде "Северных цветов".

Я охнула. Стив пожал плечами. — Такое бывает чаще, чем можно представить. В некоторых местах меня уже

знают и выдают девиц без скандала, иначе снова придется ремонтировать заведение после пожара. — Поэтому ты знал, как разговаривать с Риви, чтобы она захотела жить дальше?

Стив кивнул: — Да, не в первый раз. — И попытался вернуться на более веселые темы: — Или, к примеру, жена сбежала с приказчиком и фамильными драгоценностями. — Приведешь за ухо жену? — Нет, только драгоценности. Или управляющий исчез с деньгами. — Но уж на это есть стража. — Мои осведомители лучше. — Он сделал неопределенный жест рукой. — Недавно ко мне обратилась одна семья... даже не семья, а целый клан. У них украли клановый артефакт в виде ожерелья. Он не просто дорог, он бесценен, в него поколениями вливали магию. Стражники развели руками, и теперь я понимаю, почему — действовала цепочка специалистов-похитителей ценных вещей, у которых покровители на нескольких уровнях. Мои осведомители с городского дна назвали несколько имен, кто мог бы украсть сокровище. Трое ничего не знали, четвертого после кражи зарезали в пьяной драке.

Я решила проявить догадливость: — Убрали свидетеля. — Разумеется. Но у того был закадычный друг, который попался накануне похищения. Я был уверен, что если б его не взяли за прошлые грехи, эти два друга действовали бы вместе. Он мог что-то знать. Но я опоздал, его уже отправили по этапу. Мне удалось нагнать корабль в порту за четверть часа до отправки. Разумеется, никто не стал бы задерживать целое судно ради меня. И мне пришла в голову, как мне казалось, прекрасная идея. Я показал стражникам руну, мне выдали лохмотья и посадили на судно как одного из каторжников. Капитану передали записку, кто я таков, и что меня нужно вернуть. Увы, купленные стражи переправляли эту партию на остров Зеленого камня, откуда не возвращаются. Капитан рассудил, что я слишком много знаю, чтоб везти меня назад.

Я слушала его, едва ли не открыв рот от удивления. У Стива такая богатая фантазия? Или... Нет, не может быть, это не может быть правдой. — Самое обидное, что мне удалось разговорить того, за кем я охотился. И он рассказал все, что я хотел знать. — И что же? — Убитый вор назвал ему кличку посредника. У меня достаточно сведений про этого господина, и я знаю, с кем он работает. Их четверо. Первый не стал бы связываться с такой крупной вещью, его уровень мельче. Второй страдает магофобией, у него в доме даже лампы — исключительно керосиновые, никаких светляков. Третий уехал в путешествие почти на год задолго до кражи. Четвертый выдал дочь замуж в Риконбрию и вознамерился отойти от дел. — Хм. Но кто же тогда? Если никто из них не мог участвовать в цепочке.

Стив весело посмотрел на меня: — Конечно, четвертый! Господину Ларсу за сокровище отвалили солидный куш, можно и от дел отойти. Даже мне обещали такую награду, что можно купить двухэтажный особняк. Могу только представить, сколько заплатили ему. О, если ты рискнешь мне помочь, десятая доля твоя. Не отказывайся, ты работала два года без продыху, чтобы закончить обучение. Деньги тебе не помешают.

Я хмыкнула. Слишком гладко все звучало. — И как же ты узнал, у кого ожерелье сейчас? — Считай, везение. Я бы выяснил это так или иначе, когда довез бы тебя до Байроканда и занялся бы поисками дальше, но вчера в зале, пока я ждал разносчицу, за соседним столом трое праздновали, что одного из них взяли на хорошее место — личным камердинером господина Ларса, который недавно сюда переехал. Ночью, пока ты переживала, я навестил его жилище и покопался в кабинете, где нашел переписку. — У тебя удивительные таланты. — Работа такая. — И что ты выяснил? — Некоторые очень, очень богатые люди изобретают интересные причуды. Один риконбрийский магнат решил собирать уникальные магические диковины, и непременно старше пятиста лет. Клановый артефакт он посчитал жемчужиной коллекции. Узнать, где сейчас живет этот господин, было совсем просто. Такие люди на виду. Ты мне поможешь?

Его речь изменилась, и сам он изменился. То, как он сидел, как двигался, как держался, даже выражение лица больше не напоминало разбитного невоспитанного карманника. Передо мной был городской господин из образованных, из тех, кого бургомистр знает лично, а приказчики в лавках окружают всем возможным почтением. Только ироничная усмешка никуда не делась.

Руна была настоящей, я проверила магическим зрением. И все-таки, все-таки очень странно. — Откуда мне знать, что эта история правда? Ты обворовал людей в Серонте и здесь. Как я могу тебе верить?.. Что смешного?

Стив смеялся и протягивал мне запястье, указывая на другую сторону. Я влила магию, и над его рукой замерцал символ Всеобщего Торгового банка с цепочкой цифр — дорогое удовольствие, но с ним в банке и документы не нужны. — Здесь я просто снял золотые со своего счета. В банке Серонта эта метка служит поручительством, я мог занять до сотни золотых, которые Всеобщий вернет им в Риконбрию.

Вместе с меткой банка на меня обрушилось понимание, что все это правда. Передо мной не Стив-карманник, передо мной господин расследователь Стивен Белт.

Я сидела, будто придавленная новыми сведениями. Вся история последних двух месяцев оказалась совсем иной.

Ох! Там, на "Голубой акуле", я смирилась с тем, что мой случайный попутчик обсуждает со мной вещи, которые благопристойная дама не всякой подруге доверит. Но я утешала себя тем, что у людей такого склада не

существует приличий. Я думала, что мы вернемся в Шалпию и разойдемся по разным орбитам с этим карманником без тени подобающего воспитания, и мне будет все равно, что думает обо мне парень с городского дна. Но господин Стивен Белт! Это совсем другое.

Я прижала руки к щекам и в ярости посмотрела на Стивена. — Вы... должны были... — Мы на ты, — с обычной своей усмешкой напомнил он. — Ты должен был сказать мне еще на "Акуле"! — На "Акуле" я знал тебя два дня. Если бы я всем рассказывал, кто я такой, мне давно пришлось бы пойти писарем в магистрат. Кроме того, разве ты позволила бы тебе помочь? — Это... это возмутительно! Ты должен был признаться! — я вскочила, сжав кулаки. — Ты принялась бы играть в благонравную скромницу, которую воспитанный господин считает за бестелесного ангела. Каковы были твои шансы ничем себя не выдать за неделю плаванья? И кто припугнул бы кока, чтоб он отпускал тебя пару раз в день в трюм? — Он усмехнулся.

Вот и секрет доброты дядюшки Мака. — Ты сказал ему? — Виола, кок не идиот. Да, я сказал ему, что если он тебя раскроет, я ему шею сверну.

Я кусала губы, едва не плача. — Виола, я, признаться, не понимаю, что тебя так расстроило. Сестры у меня, действительно, есть, я не соврал, и мне до демонов надоели игры в "никто ничего не знает". Ты решила внезапно меня застесняться? Это все тот же я, Стив, с которым ты знакома без малого два месяца. — Нет! Вы... ты другой! Я тебе столько доверила... а ты! — Я тебе тоже доверился сейчас. — Сейчас! — Мне сходить за успокоительным? — Оставь меня одну! — Хорошо, — сдался он. — Я зайду через два часа, и мы снова поговорим.

С четверть часа я потратила, чтоб как следует вымочить подушку слезами. Выплакавшись я успокоила себя тем, что карманник он или серьезный господин, мы скоро расстанемся, и будем надеяться, что через год он и имени моего не вспомнит. Потом я уснула.

Стивен постучался немногим раньше полудня. Я с трудом разлепила глаза, и попросила его подождать, пока я умоюсь холодной водой. Когда я вернулась в комнату, на столе расположился поднос еды, принесенный подавальщицей. Стив расставил тарелки на столе, вернул подавальщице поднос и попросил принести еще теплого морса. — Что ты решила? — Я помогу тебе, но при одном условии. — Каком? — После этого мы расстанемся, и ты больше не будешь меня знать.

Стивен дернул углом рта. — Нет. Мы доедем до Байроканда, иначе ты снова куда-то влипнешь. — Но после этого расстанемся! — Разумеется, я живу в Шалпии и в основном веду дела там. Теперь ты поешь, и пойдем по лавкам. — Это зачем? — Купим что-нибудь из вещей. Этим вечером вечером у нас поезд. Наш коллекционер, господин Каббадж, живет в Дифталте. Я — профессор истории, ты моя ассистентка. Я попрошу разговора с Каббаджем. Много выяснить не получится, но хоть осмотримся. — Хорошо, — ответила я тихо. Сил спорить не оставалось. — До вечера поспишь еще немного. Сидя в поезде будет не так удобно, а мы прибываем в Дифталт в четыре утра.

Дорогие читатели, автор очень порадуется вашим комментариям, а музз будет хлопать крыльшками и вдохновлять на новую книгу. Если же вы считаете, что книга достойна быть прочитанной другими, пожалуйста, поднимите ей рейтинг кнопкой "мне нравится".

В темноте мы вышли из поезда, но даже в такой час на вокзальной площади ждали кэбрио. Стив выбрал одного из них, который не клевал носом, как остальные, а рассматривал прибывших. — А скажи мне, любезный, какая у вас тут гостиница почище, но недорогая? Таверн и постоялых дворов мне не надо. — Есть "Белая лилия", пять серебряных в день стоит, — с сомнением оглядев нас сказал возница. — Есть "Гранд-Пиано" по шесть, но вас туда не пустят, — честно ответил парень. — Вези в "Лилию".

Я только удивлялась связности речи Стивена. Сама я лишь переставляла ноги, как заводная кукла. Могла бы я подумать еще два месяца назад, что буду настолько доверять мужчине, что позволю ему вести меня в гостиницу в незнакомом городе?

Стив попросил номер с двумя кроватями для себя и брата. У меня все-таки достало сил быстро ополоснуться в ванной, я натянула новую ночную сорочку и упала в кровать.

Проснулась я от того, что Стив слегка потряхивал меня за плечо. — Вставай, соня, уже полдень. — Ох... прости, дорога меня утомила. — Нам пора. Я не рискнул заходить в одиночку в магазин, где краски для лица и шиньоны. Одежду для посещения Каббаджа тоже купим вместе, чтобы тут же подогнали, она должна на тебе хорошо сидеть. И думаю, тебе нужно взять платье на вечер. Каббадж сегодня собирает местный свет, и я очень надеюсь, что после нашего разговора нас туда пригласят. — Ты хочешь... м... добыть ожерелье сегодня вечером? — Если получится. Пойдем? — Стив, мне нужно встать и привести себя в порядок. Не мог бы ты отвернуться? — я начинала злиться его недогадливости. Или он нарочно меня дразнит? Или, что еще хуже, не дразнит? — Хорошо, госпожа, если вы настаиваете, буду ждать вас внизу, — он отвесил шутливый поклон и вышел за дверь, оставив ключ на столике.

Я надела платье, которые мы купили вчера перед поездом, и капор, который выглядел немного старомодно, но под тем, фасоном, который сейчас носят, будет видно, что волосы у меня коротковаты для приличной горожанки.

После завтрака мы сменили гостиницу, сняв два номера в более respectable "Гранд-пиано", и напарник повел меня в лавку с "обманками для наивных мужчин", как он это назвал. Я обзавелась набором буклей, шиньонов и красками для лица. Затем мы пошли по улице, где в витринах выставили всевозможные наряды на все случаи жизни.

Когда я примерила то, что выбрал мне Стивен, я пришла в неистовство. В этом жакете у меня откуда-то взялись заметные объемы сверху. Вырез блузы бросал многообещающие намеки. Юбка была настолько узкой, насколько это было прилично, и подчеркивала бедра. Каблочки нещадно удлиняли ноги. Шляпка выглядела откровенно кокетливо. — Стив, я не пойду в этом! — прошипела я, показавшись спутнику.

Тот водил глазами от моего возмущенного лица до кончиков туфель и удовлетворенно кивнул: — Виола, ты пойдешь, потому что нам нужно приглашение на вечер. Неужели ты думаешь, что Каббадж позовет нас ради меня, скучного и занудного профессора? Хм... ты выглядишь так, что теперь я уверен: тебе нужно платье на прием.

Я быстро переоделась, поклявшись, что не задержусь в этом ужасном наряде ни минутой дольше, чем положено. — Зря, очень зря, — усмехнулся Стив, когда мы шли под руку по улице в следующий магазин. — Одевайся ты так каждый день, за тобой тянулся бы хвост разбитых мужских сердец. — Если мужским сердцам достаточно подобной блузы, такие сердца мне даже в коллекции неинтересны. — Дело не в блузе, — шепнул Стивен, — и даже не в ее наполнении. Виола, не замирай посреди тротуара, — смеялся этот нахал, — колотить меня на улице неприлично.

Вечернее платье оказалось еще хуже. Юбка, пышная сзади, спереди покрывала ноги в один слой шелка, обозначая фигуру при каждом шаге. Вырез казался скромным, но был украшен драпировкой таким образом, что создавалось впечатление, будто одно неловкое движение, и откроется больше, чем задумывалось. Широкая горловина и отсутствие рукава оставляли лишь небольшую полоску ткани на плече, которая, угрожала вот-вот соскользнуть. К платью прилагался корсет, и талия утончалась, навевая мысли о хрупкой куколке. Я не стала спорить с ним в лавке, но когда мы вернулись, решила спросить. — Стивен, — простонала я. — Зачем? Ведь мы уже придем на вечер! — Затем, моя прекрасная госпожа, что мне необходимо выманить нашего коллекционера в сад. — В темноте? Ты понимаешь, чем это угрожает? — Всего на четверть часа. Затем сигнальный артефакт зазвонит тревогой, и твой кавалер умчится проверять сокровища. — Ты не понимаешь, сколько всего может произойти за четверть часа? — Я надеюсь, ты сможешь увлечь Каббаджа, но не попасться. Но если положение станет совершенно угрожающим, в кольце вложено заклинание молнии. Его хватит на три удара.

Стивен достал шкатулку с набором драгоценностей. Я ахнула. — Но... такие траты... или они фальшивые? — Совершенно настоящие, но я их взял взаймы. Итак, будем надеяться, что задействовать кольцо тебе не понадобится. Мне нужно, чтоб Каббадж отключил тревожный артефакт ненадолго, и когда он включится, чары на самом деле работать не будут. — Откуда ты знаешь, какие там чары? И когда ты успел обзавестись артефактами?

Откуда ты знаешь, какие нужны? — Узнал утром. Когда ты легла спать, я принялся за дело. Артефакты мне не нужны. Я слабосилок, и у меня в запасе есть несколько фокусов, которые требуют многомесячных тренировок и хорошего магического фона. — О. Я надеюсь, нас не арестуют. — Только меня. Ты будешь моей ассистенткой, которая совершенно ни при чем. — Ты забываешь, что у меня нет никаких документов. Они остались на "Дикой сирене". Мне будет сложно объяснить, почему я не пошла к стражам еще в порту и не дождалась, пока мне выправят новые. — М... значит, постараемся не попадаться. Переодевайся, мы едва успеваем к назначенному времени. — Когда ты успел назначить? — Утром, — ответил господин расследователь и скрылся в ванной с чехлом, в котором прятался его костюм.

Мое облачение не заняло много времени. Юбка, блуза, чулки, туфли, шиньон, краски на лицо, шляпка, жакет... Довершал наряд ридикюль, в котором прятался блокнот с карандашом.

Я нервно расхаживала по номеру в ожидании Стивена. Что может так долго делать одевающийся мужчина? Мне казалось, что мужской туалет должен занимать раза в три меньше времени, чем дамский.

Наконец, в дверь постучали, и в мой номер вошел... полноватый господин в плохо сидящем сюртуке и мешковатых штанах. Его волосы были прилизаны, а отросшая за время путешествий растительность на лице Стива была подбрита в бородку и усы такого свойства, что хотелось немедленно их уничтожить насовсем. Выглядел Стив совершенно нелепо, но должна признать, он совершенно не походил на себя самого.

* * *

Наше появление в доме Каббаджа можно назвать чрезвычайно эффективным.

Когда "профессор" Стивен помог мне сойти со ступеньки кэбрио, от господина Каббаджа выходил посетитель, молодой жгучий брюнет с щегольской тростью. Наткнувшись на меня взглядом, он едва ли не оступился. Я изобразила профессиональную сосредоточенность, быстро перебирая ногами вслед за "профессором".

Дверь открыла служанка средних лет, окинула "профессора" ничего не выражающим взглядом и поджала губы в нитку при виде меня. — Проходите, господин Каббадж вас ждет, — процедила она, не сводя с меня взгляда.

Господин Каббадж принимал нас в кабинете. В отличие от прислуги он приоткрыл рот, но не сказал ни слова. Стиву пришлось повторить приветствие дважды, прежде чем господин Каббадж пришел в себя, расплылся в улыбке и предложил нам сесть, настойчиво помахав мне рукой в кресло, расположенное поближе к нему. "Профессор" представил меня как ассистентку, госпожу Викторию Фаун. Я села так, как учили на классах по этикету: на край стула, развернув плечи, сложив на коленях руки. Затем спохватилась и достала блокнот с карандашом и устроилась, приготовившись вести записи.

В стеклянных дверцах книжного шкафа я поймала свое отражение. Мы с блокнотом слегка подались вперед, что в сочетании с развернутыми плечами и старанием держать осанку создало такой изгиб, который обеспечил бы сердечный приступ и достойным матронам, и искусственным господам, но по разным поводам. Соглашусь, одежду Стивен выбрал прекрасно... для своих планов. Я же сожгу эти вещи, как только сниму!

Я старалась делать заметки, но разговор плохо клеился. Стивен-"профессор" пытался выяснить что-то у Каббаджа про известные ему раковины с дальних островов в Шартрезовом море, но коллекционер отвечал невпопад, пачкая меня взглядом. Наконец, он сдался: — Простите, милейший, я переутомился. Давайте встретимся на будущей неделе. Но в компенсацию за неудобства приглашаю вас с вашей очаровательной спутницей на сегодняшний вечер. У меня соберется небольшая компания друзей. А сейчас мне, похоже, нужно отдохнуть перед приемом.

На обратном пути в кэбе Стивен не сдерживал довольной улыбки. Я же не видела поводов радоваться. Похоже, Каббадж положил на меня глаз. — Не бойся, — Стивен коснулся моей руки. — Если в первый раз не поймет, ударишь молнией дважды, и он приляжет на травку. У меня не займет много времени включить эту демонову тревогу.

И все же пока я собиралась, Стивен сходил за успокоительной настойкой. Я чувствовала себя гораздо лучше, усаживаясь в кэбрио. Платье скрывала легкая накидка, уместная по осеннему времени. — После того, как Каббадж проверит коллекцию и включит тревожные артефакты снова, — наставлял меня Стив вполголоса, — я станцую с тобой танец, и я бьюсь об заклад, что следующий Каббадж запросит себе. Мне хватит этого времени, чтоб вернуться за ожерельем. Но хочу предупредить, Виола, что перед тем, как выйти, прятать его я буду на тебе. Оно довольно громоздкое, и в полутьме вряд ли заметят, как топорщится сюртук, но у выхода хорошее освещение. — Но в таком платье его совершенно негде прятать! — В юбке, дорогая, в твоей пышной юбке сзади. Я пришел небольшой карман среди слоев. — Ты собираешься... задрать на мне юбку?! — Кхм... не могу соврать, что я об этом никогда не... Виола, ты меня сейчас сбросишь под колеса! — при звуках его смеха, мне захотелось удвоить усилия, но я опасалась, что вскроется наш маскарад. — Нет, между мной и твоей... м... тобой будет еще много слоев ткани. Кроме того, я опущу ожерелье в прорезь среди складок. Все это произойдет после танцев, и вскоре после мы уйдем. — Ты уверен, что я смогу танцевать в этой конструкции? Если будет вальс, мне придется

отказаться, — я решила уйти от скользкой темы. — На вальс я тебя сам приглашу. Его обычно ставят в конце первой части, заодно поговорим. — Стив! Я не смогу танцевать в этой юбке. — Со мной сможешь, — уверенно сказал этот манипулятор.

Мы приехали через час после начала приема, и господин Каббадж был уже навеселе. Он бормотал приветствия и уверял нас, что невероятно волновался в ожидании профессора и его очаровательной ассистентки.

Вокруг меня тут же завертелся водоворот гостей, и не то, что Стива, самого Каббаджа попытались оттереть. Вскоре Каббадж объявил танцы, будто ждал нашего прихода. Несколько голосов позвали меня танцевать, но первый танец из вежливости стоило подарить хозяину. К счастью, объявили торжественную кадрили, и танец, по сути, состоял из смены партнеров, так что, никто не остался в обиде.

"Профессор" пока не танцевал. Следуя плану, он разогнал всех гостей занудством, чтобы никто не удивился, что малосимпатичный господин остался в одиночестве, и перестали обращать на него внимание. На приемах подобного рода танцевальная программа не очень большая, и когда объявили завершающий первую часть вальс, я вздохнула с облегчением. Моим кавалером в этот раз был сам Стив — нам стоило обменяться сведениями. — Уверен, что после танцев тебе необходимо подышать свежим воздухом, моя дорогая. — Да, пожалуй, господин профессор. Полагаю, найдутся желающие составить мне компанию, но не будете ли вы чувствовать себя покинутым, оставшись в одиночестве? — Ничуть. У господина Каббаджа обширная коллекция диковин со всего света и богатая библиотека, я не буду скучать.

Значит, все идет по плану. Стив снова закружил меня, поймал после поворота и закружил еще раз. Мое желание выйти в сад будет совершенно естественным после таких упражнений, но... демоны, он действительно хорошо танцует.

Закончив танец, Стив подвел меня к хозяину, на что тот расплылся в широчайшей улыбке. Приложив руку к груди я томно прошептала: — Ах... кажется, мне нужно на воздух.

Каббадж едва ли не вприпрыжку повел меня на балкон, откуда в сад спускались ступени. За нами увязалось еще несколько кавалеров, которые довели меня до беседки, усадили и расположились рядом. На лице хозяина дома проступило разочарование: — Госпожа Фаун, я вижу, что у вас есть компания. С вашего позволения, я удалюсь уделить внимание другим гостям.

Что делать? Что делать... Виктория Фаун должна сделать то, что Виоле Блум совершенно не по нутру. Ну, Стив...

Я улыбнулась и повела плечами: — Не позволяю! — ответила я с кокетливым смешком. — Вы еще не рассказали нам про последнее путешествие. Кажется, вы упоминали, что привезли оттуда что-то необыкновенное, и в пути вас подстерегали опасности. Это так романтично! Ах, господа, дайте место господину Каббаджу, мы наверняка услышим занимательные истории.

Каббадж запыхтел от удовольствия, победно посмотрел на остальную компанию и принялся рассказывать про путешествие на Западный континент, где по огромным просторам кочевали племена, которые разводили забавных животных с длинным носом, большими ушами, острыми клыками, торчащими из морды и толстой коричневой шерстью. Каббадж утверждал, что своими глазами видел, как таких животных впрягают в волокуши, и погонщик садится на загривок. Размахивая руками, он живописал, как попытался добыть клык умершего животного, а потом долго убежал от разгневанных кочевников. Я постаралась сдержать лицо, когда представила убегающего Каббаджа.

Уверена, что половины его историй не происходило на самом деле, но мне пришлось экстерном осваивать тонкое искусство удержания мужского внимания в нужном направлении. Я ахала, взвизгивала, прижимала руку ко рту в удивлении, подавалась вперед, демонстрируя чрезвычайный интерес, и осмелилась задать несколько вопросов, которые уводили повествование в дальнейшие дебри.

За этим занятием нас и застал Стив. Он пристроился за спинами оставшейся пары кавалеров, которые не пожелали покинуть свой пост рядом с восторженной девой, и сделал мне знак, что все в порядке. По его лицу я видела, что он оценил мой спектакль, и мне не избежать его ехидных комментариев. — ... копые просвистело у меня над ухом, вот так: з-з-з! — изобразил Каббадж. — З-з-з-з-з!!! — отозвался сигнал в доме.

Верю, верю, что Каббадж умеет бегать. С такой скоростью, как он вернулся в дом, он вполне мог удрать от целого племени.

Мы вернулись вслед за хозяином, но тот вскоре появился объявив, что ничего страшного не случилось. Видимо, защитные чары среагировали на магию кого-то из гостей.

Вечер шел своим чередом. Объявили вторую часть танцев. Стивен снова пригласил меня. Чтобы убедиться в интересе Каббаджа, я кинула в него несколько призывных взглядов. Разумеется, в следующем танце он повел меня сам — довольно неплохо для человека его комплекции. Если бы он не старался притиснуть меня плотнее, я бы сказала, что даже получила некоторое удовольствие.

Когда Каббадж с сожалением отпустил мою руку, я объявила, что с меня на сегодня хватит танцев, и я бы перекусила, чтобы восстановить силы. Каббадж приказал подавать сладкое, и вокруг меня снова собралась

жужжащая толпа. Приглашенные дамы уже стали проявлять нетерпение при виде моего успеха. Три гостьи на вид чуть старше меня в чуть более открытых платьях и гораздо более дорогих драгоценностях о чем-то шептались, поглядывая в мою сторону. Прикончив несколько крохотных профитролей я на всякий случай отошла подальше от стола, чтобы не спровоцировать старинный трюк "о, простите, я пролила вино на ваше платье", но госпожа в зеленом решила взять дело в свои руки. С решительным видом она направилась в мою сторону, и в бокале у нее плескалось что-то темно-бордовое. Я пошарила глазами по залу. Стива не было. Ах, как это некстати. Если со мной случится неприятность, его будут искать. И не найдут. Или, что еще хуже, найдут.

Дама приближалась, сделав светское лицо. Попробую сменить диспозицию. Я глянула на противоположную стену, зажгла улыбку и воскликнула: — Ах, посмотрите, я и не заметила, какое чудо висит с этой стороны. Вы не знаете, чей кисти этот пейзаж?

Два господина перешли вместе со мной насладиться искусством. Я щебетала о красках неба и выслушивала комплименты, как я тонко чувствую живопись, наблюдая в стекло картины за обстановкой. Дама в зеленом покрутилась у колонны, приняла рассеянный вид и сдвигалась явно в мою сторону.

Дама ни разу не отпила из бокала, сохраняя вино для диверсии. Но в эту игру можно играть вдвоем, не правда ли? — Я хочу рассмотреть другие картины, — капризный тон мне особо удался.

Мы перешли дальше. Краем глаза я заметила, что дама ненадолго замерла в нескольких шагах от нас, соображая, как последовать за нами, не вызывая подозрений, развернулась в нашу сторону и сделала шаг. Работа со стеклом давалась мне хуже, чем с деревом и металлом, но для трещины в тонком хрустале моих сил хватило. — Ах! Мое платье! — раздалось за спиной.

Темно-бордовое прекрасно смотрится на зеленом, расплываясь черным пятном. Вино из лопнувшего бокала залило юбку неосторожной гостьи, и суета вокруг злосчастной дамы отвлекла компанию от появления Стива. Я милостиво разрешила своим кавалерам помочь госпоже. Интересно, зачем ей вокруг полдюжины мужчин? Впрочем, мне не жалко. Стиву понадобилась всего пара мгновений вне поля зрения присутствующих, чтоб ожерелье стало оттягивать мою юбку.

Мы пробьли на приеме еще с четверть часа. Я позволила подруге пострадавшей дамы мстительно уронить на меня пирожное с кремом, и мы получили законный повод распрощаться.

В кэбрио я откинулась на сиденье и прикрыла глаза, предупредив Стива, что одно слово о моем выступлении в беседе, и его уже ничто не спасет. Он обвинил меня в жестокости, но когда я промолчала, забеспокоился: — Виола, ты в порядке? — Стивен участливо взял меня за руку. — Да, просто устала. — Лопнувший бокал — твоя работа? — Да, — улыбнулась я, не открывая глаз. — Полагаю, бокал предназначался для меня, но я успела первой. — Надо сказать, весьма вовремя, — Стив поцеловал мои пальцы.

Проваливаясь в дрему я отметила, что Стивен продолжал держать меня за руку.

Когда мы подъехали к гостинице, я уже достаточно пришла в себя, чтобы бодро выйти из кэбрио, отказавшись от предложения Стива донести меня на руках.

Мы остановились у номера Стива, я отвернула полу накидки и потянулась к прорези в складках, но Стивен усмехнулся и сделал жест в сторону двери. — Похоже, ты действительно устала. Все же лучше разоблачаться внутри. К тому же, нам сейчас принесут игристое. Удачное дело стоит отпраздновать, — подмигнул он.

В номере он снял с меня накидку и дал мне отойти в ванную и достать ожерелье. Пока меня не было, он скинул свой ужасный сюртук и взъерошил волосы, убирая мерзкую прилизанность. Почесывая отвратительную бородку он спросил меня: — Виола, ты не подождешь меня немного? Мне жутко думать, что ты видишь меня таким... противным.

Я рассмеялась: — Если тебе так важно, разумеется, подожду.

Он скрылся в ванной, я слышала шум воды и голос, который что-то напевал. Меньше чем через четверть часа Стивен вышел гладко выбритый. О... А он... интересен. Весьма и весьма. Надо же, как его меняла нестриженная борода каторжника-карманника.

Перехватив мой взгляд Стивен довольно улыбнулся.

Пока он был в ванной, принесли игристое и фрукты. Мы выпили по бокалу, и напряжение вечера стало отступать. — Честно говоря, никогда не думала, что стану участницей кражи века, — смеялась я. — С такой прелестной напарницей я уже подумываю о смене профессии. Не желаете ли составить мне компанию в ограблении столичного музея? Там есть чудесная ваза с нимфами, давно мечтаю.

Мы болтали и смеялись, пока допивали бутылку, я доела персик и посмотрела на часы. Время близилось к двум ночи. Завтра с утра у нас поезд, Стив хотел убраться из города, пока Каббадж не заметил пропажи и не кинулся на поиски "профессора". Пора бы отдохнуть. — Стивен, я думаю, мне стоит пойти к себе и лечь спать. Благодарю, это был весьма интересный вечер, — хихикнула я. — Я провожу тебя. — Моя комната за стенкой, спасибо, но я дойду сама. — Мне кажется, ты мне что-то задолжала. — Разве? — Мой выигрыш. Ты ведь согласилась обворовать Каббаджа. Помнишь? — О... Стивен... — Приличные дамы выплачивают долги.

Меня будто приморозило к месту. Не двигаясь я смотрела, как Стивен подходит ко мне, проводит пальцами по волосам, наклоняется... Поцелуй длился совсем недолго, но меня обожгло удушливым огнем, и когда Стивен оторвался от меня, я с трудом пришла в себя и тихо сказала: — Я пойду к себе.

Не отрывая от меня взгляда, Стивен учтиво протянул руку для прощального поцелуя. Я вложила в нее свою, он коснулся губами пальцев, провел указательным пальцем по ладони, скользнул к запястью. Я замерла. Надо мной развернулось небо южной ночи, под ногами шуршал песок, я слышала плеск волн, а воин-развратник смотрел на меня сквозь щель в повязке.

Я вынула пальцы из руки Стивена, отступила на шаг и размахнулась.

Стивен перехватил мое запястье и спокойно поинтересовался: — За что? — Ты... ты рассматривал меня... мою... ты! Там! В Бутене! — Хм. Я все ждал, когда ты догадаешься. Риви меня сразу раскусила.

Казалось, я сейчас задохнусь от гнева и от стыда за то, что он видел в "Северных цветах". — Ты снял с меня пелерину! Ты смотрел на меня! — Виола, мне пришлось снять с тебя пелерину, чтобы не возбуждать подозрений. Все прочие снимали пелерины с выбранных девушек, и мне пришлось повторить. А смотрел я, как и остальные мужчины в этом зале. Их ты не стеснялась? — Я стеснялась всех! но я их больше не увижу! А ты! Ты смотрел! И намекал на оплату! Ты ждал, что я соглашусь?!

Он покачал головой: — Я намекал на накопитель, иначе ты так и тряслась бы, что я потребую в плату тебя, когда выведу вас на улицу. Я не рискнул раскрываться, пока ты передо мной смущалась с гол... м... без пелерины. — Этот бесстыдник задорно улыбнулся, — Ты бы закатила скандал, а вокруг было много ушей. Ты всерьез считаешь, что я стал бы что-то с тобой делать в "Цветах"? Там было не время и не место для удовольствий, — нарочито вздохнув он развел руками. — Пришлось ограничиться созерцанием. Виола, каюсь, мне было бы тяжело отводить глаза. Я не лгал, у тебя очень красивые формы.

От слов этого бесстыдника меня бросало то в жар, то в холод. — Ты говорил мне гадости! — Разве? По-моему, я сделал комплимент твоей... м... фигуре. — Он расплылся в невозможно широкой улыбке. — Хотя, не скрою,

очень хотелось задрать на тебе юбку, — он сделал паузу дождавшись, когда я начала хватать воздух ртом, — и всыпать за то, что ты сбежала в "Цветы" одна.

Стив попытался сделать суровое лицо, но окинул меня таким сверкающим взглядом, что мне стало ясно, о каком наказании он подумал. Внутри что-то сжалось и дрогнуло, как тогда, после его слов о ласках в "Цветях"... А сегодняшней поцелуй... Демоны, да как он смеет!

Сжав кулаки я двинулась к нему, и никакое воспитание меня не остановило бы. Но Стив проворно отступил за кресло и выставил ладони: — Виола, Виола, предупреждаю, если ты попытаешься меня поколотить, я буду тебя целовать.

Кровь прилила к щекам. Какого демона я так откликаюсь? Я пришла в ярость. Этот наглец еще смеется! Я злилась так, что будь у меня огненная магия, спалила бы комнату к демонам. — Каких клятых демонов ты пошел за мной? — Я проснулся, обнаружил, что тебя нет, и было нетрудно догадаться, где тебя искать. Я увидел, как тебя швыряют в окно, и понял, что ты без меня не справишься. В лучшем случае тебе понадобилось бы сначала... м-м... отработать, а мне потом пришлось бы вытаскивать тебя из объятий акул и объяснять, что жизнь на этом не закончилась. Я решил не доводить до таких упражнений, подловил в темном углу одного из клиентов и позаимствовал одежду и монету-пропуск.

Если раньше я считала, что нас спас мой талант убеждения, то теперь я ужаснулась тому, что могло бы произойти. Мой пыл начал угасать. — Риви догадалась? — Сразу же. Она музыкант, у нее прекрасный слух. Риви узнала меня по голосу, поэтому подыграла, показав, куда унесли артефакт. Она удивлялась потом, зачем я держу себя с тобой как Стив-карманник. — И зачем? — Ты едва не убила меня, узнав, что я вовсе не маловоспитанный уличный босяк. Мне хотелось отодвинуть этот момент подальше. — Ты... ты несносен!

Я выскочила за дверь и ушла к себе.

Походив по комнате я спустилась вниз, где скучал распорядитель. — У вас есть расписание поездов и карта путей Риконбрии? — Да, пожалуйста.

Я склонилась над листами. В четыре часа утра проходит поезд на запад в Алсайтун. Оттуда до Байроканда всего день езды, и наверняка поезда ходят часто. — Благодарю вас. Сколько ехать отсюда до вокзала? — С четверть часа. — Могу я попросить вас вызвать кэбрио на три часа пополудни?

* * *

Рассвет я встретила в вагоне второго класса. Денег, которые у меня остались от покупок, едва хватит, чтобы добраться до Байроканда. Может статься, что путь до Университета мне придется проделать пешком. Но будем надеяться, что еда, которую поселяне предлагают на полустанках, обойдется недорого.

Мне до демонов надоело скрываться, поэтому я нацепила шиньон и ехала в платье и легкой накидке. В саквояж легло еще одно платье и пара смен белья. Едва мы отъехали, под возмущенные взгляды пожилых попугаич я сняла капор — мне ехать два дня, и дамам придется потерпеть такую вольность. Но их постные лица сослужили мне хорошую службу — в присутствии таких горгулий никто не решился даже кинуть в меня черезчур вольный взгляд.

Дамы сошли после полудня, на их место сели молодожены, мы быстро свели дружбу с новобрачной, и ее муж послужил мне некоторой защитой.

В Алсайтун поезд прибыл в шесть вечера. Мои новые знакомцы были столь милы, что прошли со мной к расписанию, узнать, когда поезд на Байроканд, а затем пригласили остаться у них до утра.

Назавтра с попутчиками мне повезло меньше. Семейство с ребенком занималось само собой, они ни разу не глянули в мою сторону. Пожилая пара сразу же задремала, и два молодых человека принялись меня разглядывать самым бесцеремненным образом. Они перешептывались, кидая на меня оценивающие взгляды, пока один не решился ко мне обратиться: — Какая милая девушка путешествует в одиночку. Я уверен, она согласится составить нам компанию. Мы выходим в полдень и настоятельно приглашаем вас к нам присоединиться. Мы просто не можем оставить даму без внимания. — А придется, — в тон им ответила я и посмотрела на крючок на боковой стенке. Молодые люди проследили за моим взглядом, и я разогрела его кончик до отчетливой красноты. — Вас здесь поджарить, или выйдем на перрон? — Магичка, — выдохнул второй. — Предупреждать надо. — Я и предупреждаю, — пожал плечами я и отвернулась к окну.

Больше меня никто не беспокоил.

Вместо молодых нахалов в наш вагон вошла дама средних лет с компаньонкой. Они быстро поняли, что я еду одна и одинаково сморщили носы при таком непотребстве, а когда я сняла капор, который надевала, чтоб размять ноги на перроне, и вовсе обдали ледяным презрением. Я лишь улыбнулась самой себе.

Вечером я сошла в Байроканде. После найма кэбрио до университета у меня осталось всего три медяка.

Документы сгинули на "Сирене", и мне пришлось закатить у ворот университета форменный скандал. Возвращавшиеся из города студенты меня узнали, убедили охрану не вызывать стражу и побежали искать припозднившихся профессоров. В сгустившейся тьме гудящая толпа проводила меня в женский корпус. Все

жаждали услышать историю моего воскрешения, но я пообещала, что завтра после занятий буду ждать в холле инженерного корпуса всех желающих.

Комендантша порывисто обняла меня, хоть раньше за ней таких нежностей не водилось, и выдала ключ. В своей комнате я осела на пол и издала победный вопль. Дома! Я дома! Я! Дома! Теперь все будет хорошо! Иначе и быть не может!

Я опоздала к началу занятий на целый месяц, что означало исключение, но ректор своим указом восстановил меня, взяв обещание нагнать все за две недели.

Восстановление документов, изучение чужих записей, чтение учебников, две работы, которые остальные уже сдали, и, собственно, учеба — мне не пришлось скучать.

Через три дня после приезда мне передали письмо, которое некто оставил в будке охранников.

Я вскрыла конверт.

"Виола, прости меня. Я слишком давно имею дело с преступниками и с их соратниками, с осведомителями и свидетелями, и по большей части из не самых изысканных слоев общества. Я совершенно позабыл, как обращаться с людьми, когда я не расследователь Белт, а просто Стивен — друг и приятель. Я забыл, как видеть в других людях не задачу, которую нужно решить, а человека, чьи чувства можно ранить. Я искренне старался тебе помочь, но делал это столь неуклюже, что ты поспешила избавиться от моего общества, как только это стало возможным. И только теперь я понял, как мне было ценно твое доверие, которое я так бесцеремонно обманывал.

Я приехал в Байроланд и навел справки о тебе. Мне сообщили, что ты благополучно добралась до университета, и тебе позволили продолжить учебу. Я благодарю Звезды за то, что были благосклонны к тебе и уберегли в дороге. Я закончил здесь дела и сегодня же возвращаюсь в Шалпию. Обратный адрес я не оставляю. Я знаю, что ты не захочешь мне писать, но оставив тебе такую возможность я буду беспрестанно ждать письма, которое никогда не придет.

Удачи тебе.

Стив."

Внутри что-то перевернулось, но я приказала этому чувству замолчать. Стив — бесстыжий нахал и наглец, и хорошо, что мы больше не увидимся. Он спас меня на корабле, он ездил со мной освобождать Риви, но я помогла ему закончить дело, и я ему теперь ничего не должна. Мы больше не увидимся. Никогда. Никогда. Демоны, почему в груди растет ком обиды на такое положение? Я ведь сама этого хотела.

Я припоминала все моменты, когда Стив меня смущал и возмущал, и в образе карманника, и когда я узнала его настоящего. Но воспоминания действовали не так, как хотелось бы. Кусок полотна, который протягивал мне в трюме Стив, вызывал теплый прилив благодарности за заботы. Его выигранный поцелуй приводил меня в трепет, и где-то глубоко зарождалось сожаление, что поцелуй был таким коротким.

А когда перед внутренним взором вставал его взгляд из-под повязки в "Северных цветах", и его голос, растягивающий слова в обещании, я чувствовала, как наливается грудь. Интересно, что бы он делал, если бы я согласилась?

Нет, неинтересно. И я бы не согласилась даже сейчас.

Хотя, признаться...

Но нет.

Еще через два дня мне пришло уведомление из Всеобщего Торгового банка, что на мое имя открыт счет на тысячу золотых. Я немедленно заказала себе руну банка на запястье. Целых десять золотых, но оно того стоило.

Жизнь вошла в свою колею. Я поведала жаждающим краткое, весьма краткое содержание моего спасения с некоторыми элементами фантазии. Историю попадания на остров я рассказала, как есть, и про мужской костюм, и про пиратов, и про мачту. Дальнейшее приглось редактировать: я сбежала с острова в ящике, помогала коку на судне, доехала до островов, где подвизалась подавальщиком в портовом трактире, который держали риконбрийцы, дождалась судна, которое взяло меня юнгой до Риконбрии, и вот я тут. Когда слушателям хотелось чего-нибудь интересенького, я пересказывала байки Микая будто увиденное собственными глазами.

Постепенно мое воскрешение перестали обсуждать. Я стала меньше работать по выходным, я больше не искала новых клиентов, лишь приходила к старым, когда им снова нужно было что-то починить. В освободившееся время я гуляла по городу с подругами. Раньше у меня не было времени заводить настоящих подруг, я то училась, то работала, то встречалась с Рианом, но теперь я составляла компанию Линде с лекарского или Минни с аптекарского факультета. Иногда их по привычке называли зельеварами, но университет решил оставить это название за магами, предпочитая для немагических дисциплин прозвание аптекарских.

Минни была смешливой девушкой, но если узнать ее получше, за внешней несерьезностью проявлялся глубокий ум практического свойства и острая наблюдательность. Поэтому когда Минни помахала мне в коридоре, я отложила поход в библиотеку и дождалась подругу. У Минни явно было, что мне сообщить. — Виола, представляешь, я вчера ездила в лавки на Садовой площади. И знаешь, кого я встретила? — Хм. Кого? — Риана! — Минни, мы расстались, он наверняка уже женат, и честно говоря... — Я знаю! — рассмеялась Минни. — Он ехал в кресле, — торжествуя сообщила она. — В каком кресле? — На колесах! У него обе ноги в гипсе! Кресло вез какой-то потрепанный тип, а жена шла рядом, недовольная, моську скорчила, ну еще бы, ни прогуляться с таким, ни на бал сходить, да никуда, только таскают его в кресле из лавки в лавку, — Минни веселилась. — Хм. Посылать ему букет с надписью "выздоровливай" я, пожалуй, не буду. Да и демоны с ним. Хочешь пирожных? У меня в комнате коробка.

С неожиданных денег я обзавелась нагревательным артефактом, чайником и парой чашек. Мы пили чай с пирожными, болтали о девичьих штучках, а я старалась убедить себя, что приезд Стивена в Байроканд никак не связан с Рианом в коляске. Получалось плохо.

Сколько подруги ни намекали, но от мужского пола я шарахалась как демоны от звездной пыли. Необременительные романы, которые заводили некоторые студентки, не для меня. А для того, чтобы я вновь могла поверить в чьи-то чувства, прошло слишком мало времени с предательства Риана.

Поэтому я лишь пожала плечами, когда Линда зашептала в кафе: — О, тот брюнет так на тебя смотрит. — Пусть смотрит, это не запрещено. — Хм, он и правда слишком пристально смотрел, до неприличия пристально, — нахмурилась Минни.

Нет уж, неприлично ведущих себя молодых людей мне достаточно. — Девушки, чем отвлекаться на мужчин, давайте обсудим, что дарить Тори, у нее на следующей неделе день рождения.

Линда оживилась: — Во сколько обойдется нагревательный артефакт, как у тебя? Может быть, если бы мы разделили на троих, вышло бы не очень дорого.

Официант прервал наши разговоры: — Господа за столиком в углу попросили передать вам вазочку конфет. — О, как мило, — Линда расплылась в улыбке. — Я бы не хотела принимать подарки от господ, которым нас не представили, — заметила я. — Я передам это господам, — ответил с поклоном официант, поставил вазочку на стол и исчез.

Линда цапнула конфету: — Бука ты, Виола. Они выглядят достойными молодыми людьми. Ой... он идет сюда! — Кто? Тот брюнет? — Нет, другой, кто сидел с ним рядом.

Я только фыркнула.

Будто выцветший блондин поклонился, дойдя до нашего столика: — Милые дамы, мой друг весьма стеснителен, поэтому я спешу представиться от нас двоих. Я Брук, моего друга зовут Иан, мы поверенные, недавно приехали в Байроканд. — Минни, Виола, — указала Линда на нас по очереди. — Линда, — представила ее Минни. — Мы студентки Университета. — О-о, невероятно! Вы, наверняка, лекари? Или занимаетесь зельями? — Я — лекарь, — с охотой ответила Линда, — Минни учится аптекарскому делу, а Виола, представьте себе, инженер! — Девушка — инженер? Невероятно! — Почему же, — пожалала я плечами. — Наши мозги ничуть не хуже мужских. Линда подтвердит, она неоднократно вскрывала мертвым черепную коробку.

Минни фыркнула, Линда сделала большие глаза в мою сторону, а мне совершенно перестал нравиться этот разговор. — Прошу прощения, нам с подругами нужно уходить. — Жаль, жаль... Госпожа Линда, могу ли я

черкнуть вам небольшую записку? — Конечно! Передайте ее на имя Линды Латтер, лекарский факультет. — Благодарю вас, — откланялся молодой человек.

Уводя подруг из кафе, я кинула взгляд в сторону столика в углу. От брюнета я видела только ухо и кусочек носа, но внутри дзынькнул тревожный звончок. Чем я его заинтересовала? Неужели я теперь буду так нервно реагировать на любой мужской интерес, даже со стороны приличных молодых людей? Впрочем, неудивительно после моих приключений... начиная с Риана. Нет уж, хватит мне молодых людей — приличных, неприличных, любых!

Но записки Линда так и не получила. Мы с Минни уверили ее, что это и к лучшему.

* * *

Мое нервное состояние после выхода из кафе не укрылось от подруг. — Так, дорогая, надо тебя лечить от мужчинофобии, — постановила Минни. — Этак ты старой девой останешься. — Ты считаешь, что я могу думать о браке после того, что произошло? — Вот! — хором прокричали подруги.

Я только закатила глаза. — Виола, ты идешь с нами на вечеринку в субботу, и это не обсуждается.

Я посмотрела на подруг и поняла, что проще сходить на эту демонову вечеринку.

Утром в субботу меня потащили по модным лавкам. Я выдержала три битвы, по числу платьев. Два — не слишком парадных, но и не повседневных, достаточно приличных для студенческой вечеринки. — Приличных! — хваталась за голову Линда. — Она собирается идти на вечеринку в приличном платье!

В итоге мы сошлись посередине. У платья персикового цвета, был не такой глубокий вырез, как уговаривали подруги, но и не с застежкой под горло, как хотела я. Нижняя юбка в один слой, зато юбка пышнее, чем мне предлагали, и неважно, что больше немодно! Мне так нравится. Второе даже не платье, а комплект из юбки и блузона синего плотного шелка.

А третье... Третье платье было совсем не для вечеринки. Великолепная изумрудная тафта навевала мысли о роскоши, и стоило оно, и правда, больше, чем первые два вместе взятые. Я заметила его в витрине и не удержалась от примерки. Оно так хорошо на мне смотрелось, что модистка убедила меня занять этот наряд в гардеробе на случай торжеств или светских мероприятий. На светские мероприятия я не собиралась, а в театры мы ходили на галерку, где достаточно повседневных платьев. Но я позволила себя уговорить. В конце концов, пусть будет мне компенсацией за тот непристойный вид, в который меня облачил Стивен для нашего "дела".

Украшаться на студенческие вечера считалось дурным тоном. Некоторые девушки носили скромные сережки, большинство приходило и вовсе без украшений. В университете немногие могли похвастаться обеспеченными родителями, поэтому само собой подразумевалось, что если где и продемонстрировать достаток, то не здесь.

Зато подкрасить лицо не возбранялось. Я отказалась от помощи подруг и лишь слегка подчеркнула глаза. Волосы уже отросли достаточно, чтоб не приходилось пользоваться буклями, хоть Линда и вздыхала, что мне не хватает объема. Но я не собиралась показываться по всеоружии. Хватит с меня вечера у Каббаджа. После того выступления у меня не должно было оставаться сомнений в женской привлекательности... если я того пожелаю. Но желать не хотелось.

Вечер проходил под неусыпным надзором двух профессорш... то есть, должен был проходить под неусыпным надзором, а на деле дамы сняли пробу с пунша, найдя его достаточно легким, после чего благоразумно расположились в углу и вели свои разговоры, лишь изредка поглядывая на молодежь. Чтоб не провоцировать излишние проверки профессоршам приносили угощения и лимонад.

Я успела налить себе стакан пунша до того, как ловкий будущий лекарь ухнул в чашу спрятанные в рукаве две склянки спирта, и заняла место на дальнем диване. Это не помогло. Меня все равно нашли и пригласили на четыре танца. Я отказалась от пятого. Я отказалась от прогулки под луной — дважды. Я отказалась пойти и побродить по темным коридорам, чтоб поговорить в тишине. Я с трудом дождалась конца вечера и сообщила Минни и Линде, что их опыты можно считать законченными. Мужчинофобии у меня определенно нет. — Как нет, Виола? Ты только танцевала, даже погулять ни с кем не вышла! — Мне просто никто не понравился. — Совсем? — Совсем.

Кажется, подружки были разочарованы. Но мне и правда никто на вечеринке не понравился. Просто не понравился, безо всяких сравнений с... с кем-либо! Просто... один был неуклюж, с другим не о чем говорить, третий зануден, четвертый выглядел так, будто вернулся с разгрузки складов в порту, а не из чертежного зала. Просто не понравились. Честно-честно.

Ковер облетевшей листвы потерял свои краски и по утрам покрывался белым инеем, когда мне передали письмо одного из моих давних клиентов. Он очень просил меня посмотреть засоренную трубу в доме его погибшего товарища. Вдова с дочерьми не любит пускать к себе чужих мужчин.

Я надела удобные боты на плоском ходу и плотную шерстяную юбку такого объема, чтобы не ничему помешала. Жакет, напротив, был легким, чтобы не стеснять движения, зато поверх него я застегнула пелерину для пушего тепла. Ее можно будет скинуть перед работой. За два года у меня все было продумано.

Вдова нервически комкала подол юбки, когда вела меня по дому. Видимо, ее муж умер совсем недавно, и бедняжка еще не пришла в себя. Мы прошли в подвал, женщина открыла тяжелую дверь, затем вторую и указала мне на трубу, которая извивалась по стене. Окон здесь не было, да и не могло быть, спустились мы на целый этаж. Под потолком горел артефакт-светляк.

Поморщившись, что здесь нет никакой мебели, я проверила, что пол чистый и сухой, сбросила на него накидку, в которую вложила ридикюль, и принялась смотреть глубоким зрением на трубу. Вдова что-то пробормотала и выскользнула вон.

Странно, нигде нет засоров. Скрипнула дверь — видимо, женщина вернулась. — Вы ошиблись, с этой трубой все в порядке, — сообщила я, оборачиваясь к двери. — Мы знаем.

Путь мне преграждал выцветший блондин из кафе и его друг-брюнет. И что самое страшное, я уже видела этого человека — именно он споткнулся при виде меня в роли ассистентки профессора, когда мы подходили к дому Каббаджа.

Я попалась.

Я попятилась, но блондин мигом оказался рядом, больно дернул меня за руку и защелкнул на мне антимагический браслет. — Теперь, милая леди, мы с вами побеседуем. Назовите нам имя вашего спутника у Каббаджа, где он сейчас находится, и я позволю вам покинуть этот гостеприимный дом. — Господа, что за шутки? Я не представляю, о чем вы говорите. Немедленно отпустите меня и снимите эту гадость!

Я надеялась, что мои слова прозвучали достаточно натурально, но увы, брюнет меня слишком убедительно узнал. Он подошел, вспотрелся в мое лицо, и внезапно отвесил мне оплеуху. На губах появился солоноватый привкус. — Имя, дрянь!

От второй оплеухи голова мотнулась в сторону, и перед глазами полетели искры. Не успела я опомниться, как меня швырнули к стенке, я рухнула на пол, и меня за руку пристегнули к той самой трубе, которую я намеревалась чинить. Я сидела, опираясь о холодный бетон, и всхлипывала, повторяя: — Я не понимаю, господа, я не понимаю.

Блондин чувствительно пнул меня в бок. — Тебя здесь никто не найдет. В этом доме живет добропорядочная семья, которая покажет, что ты не нашла никаких признаков повреждений и ушла, а на улице тебя встретил молодой человек. Мы можем продержат тебя тут хоть месяц, хоть десять лет. Через неделю в Университет придет письмо, что ты уехала к любовнику. — Вам никто не поверит! Кто вы? Я не знаю вас, я не знаю ничего, отпустите меня!

Блондин ударил меня ногой в живот. Из глаз брызнули слезы. — Имя! — Подожди, — брюнет тронул того за локоть и присел передо мной на корточки. — Госпожа Виола Блум, вы чистите засоренные трубы за сущие гроши. Неужели ваш спутник даже сотни золотых не выделил от продажи ожерелья? Наверняка он сам выручил немало, это весьма ценная вещь. Он ведь вас предал, бросил без денег, сам уехал. Мы наблюдали за вами в университете, мы расспрашивали, но его нигде не было. Неужели вы будете защищать его ценой своей жизни?

Мне стало страшно, и я разрыдалась. Я поняла, что не выйду из подвала живой. Даже если я сдам им Стива, меня убьют. Если не сдам — замучают. — Я не знаю ничего... не знаю...

Брюнет выпрямился и отошел к блондину. — Нас двое, — задумчиво проговорил тот, — Тит с помощниками... Уже пятеро. На каком по счету она расколется? — Ни на каком, она магичка, забыл? Ей такое времяпрепровождение привычно. Она и здесь себе кавалера заводила. Старый способ будет не в пример действенной.

Надо же, репутация магичек в кои-то веки сыграла в мою пользу.

Брюнет наклонился, поднял мою голову за подбородок, наслаждался страхом в глазах и снова ударил. — Хм... если через недельку не сдаст дружка, я все-таки шепну Титу, — сказал блондин. — Полагаю, мы с госпожой Блум раньше договоримся. М? Как думаете, милая дама, если я вас навещу завтра, вам будет, что мне рассказать? — Я... ничего... не знаю... — прошептала я сквозь слезы.

Они ушли, погасив артефакт. Я осталась в крошечной тьме, пристегнутая к трубе за двумя запертыми дверями в подвале.

Не знаю, как долго меня душила паника. Наконец, слезы закончились, я попробовала ровнее дышать,

провалилась в забытье, очнувшись от того, что повисла на пристегнутой руке. Еще немного поплакав я принялась думать, как найти выход из создавшегося положения.

Есть некоторые вещи, о которых маги говорить не любят. И казалось бы, это не большая тайна, но непосвященным зачастую невдомек. Маглекари в антимагическом браслете все равно видят, что у человека внутри. Стихийники — движение, состав и направление магических потоков в своей стихии. Обладатели дара металла, которые обычно идут в магтефакторы и в магженеры, видят нити магии, даже если на самого мага надеть ограничитель.

Мы не можем действовать, но мы можем видеть. Поэтому, стоило мне перейти на магическое зрение, как комната наполнилась тусклыми линиями преломляющейся магии.

Среди магженеров и магтефакторов мало взломщиков, и если уж встречаются, то такие, для которых нет преград. Даже самый законопослушный из моих коллег в детстве вскрывал замки буфетов, кладовых или сараев. И я совершенно не была исключением.

Достав шпильку из прически, я всмотрелась в замок наручников, и вскоре они тихо бряцнули, выпуская мою руку на свободу.

Я поднялась на ноги, шипя от боли в избитых боках. Живот тоже тянуло. Я прошлась туда-сюда — кажется, ничего особо не повредили. Пока.

Я нащупала артефакт на потолке и повернула колесико, зажигая его тускло, едва-едва, чтоб только различить обстановку. Под дверью есть щель, и кто знает, может, вторую они и не закрыли.

С этой стороны на двери замочной скважины не было. Без антимагического браслета я бы что-нибудь придумала, но увы... В ридикюле университетский пропуск, ключ от комнаты и несколько монет. Ничего, что могло бы мне помочь. Я усмехнулась — эти горе-преступники даже сумочку мою не забрали. Похоже, всю грязную работу за них делает неведомый Тит, и вот уж с ним мне встречаться совершенно не хочется.

Что ж, придется ждать. Он сказал, до завтра? Интересно, положена ли мне вода и еда. Что-то мне подсказывало, что нет.

Туалета тоже не было, но в углу клетки я нашла сток. Увы, воздух станет не очень свеж, но другого выхода я не видела.

Под потолком чернело небольшое вентиляционное отверстие. Хоть не задохнусь.

Здесь было тепло, и я устроила сидение из жакета в углу комнаты, проложив пелерину между собой и бетонными стенами. Можно поспать. Надеюсь, я услышу, когда кто-нибудь спустится в подвал.

Что я буду делать, когда кто-нибудь придет? Кричать? Драться? Против двоих у меня шансов нет. А вот против одного даже без магии... не знаю. Но я очень зла. Эти господа вряд ли тренировались к чему-то более сложному, чем бить закованных в наручники женщин.

Сняв шерстяную юбку я осталась в ситцевой нижней и завязала ее на поясе, чтоб не сковывала движения. Вот теперь я готова. Можно и поспать.

Спала я чутко, но все-таки почувствовала себя достаточно выспавшейся, когда тело заныло от неудобного положения. Я снова размялась хождением по камере. Сколько теперь времени? уже ночь? или утро? или еще вечер?

Я ходила. Я отдыхала. Я поделала упражнения, которым научили меня еще в академии. Я успела отчаянно заскучать, когда слышала звуки. Пригасив световой артефакт до той степени, когда едва-едва можно различить очертания предметов, я заняла давно задуманную позицию.

Едва открылась дверь, впуская внутрь человека, как я накинула его на голову юбку, одновременно подсекая под колени. Человек откинулся назад, я подтолкнула его, и он повалился, пытаясь одной рукой сдернуть юбку, а другой ухватить меня вслепую. Но широкую длинную шерстяную юбку, надетую на голову, не так-то просто снять, а я тем временем уронила человека на спину, прыгнула на грудь и принялась бить туда, где по моим расчетам было лицо. Он беспорядочно дрыгал ногами и пытался подняться, но как только ему удалось выпутаться из юбки, я схватила его за волосы и стукнула затылком о пол. Вскочив на ноги я ударила его пяткой, от чего его голова снова впечаталась в бетон. Может быть, он был уже без сознания, но я ударила еще раз для верности.

Я зажгла свет и посмотрела на гостя. Брюнет пришел, как и обещал. Но я не обещала сидеть паинькой и ждать.

Проверила пульс — жив. Расположив нижнюю юбку я связала ему руки, ноги, и завязала рот. Я заперла обе двери, спрятала ключ в ридикюль и прислушалась. Наверху было тихо. Я поднялась по лестнице и осторожно приоткрыла дверь. Нижний этаж был залит неярким светом раннего утра. Не услышав никаких звуков, свойственных людям, я вышла в коридор и поблагодарила Звезды за все: за хорошо смазанные петли дверей, за ковры на полу, за входную дверь через какую-то дюжину шагов.

Через полчаса я уже сидела в участке стражи и давала показания.

Брюнета арестовали не мешкая, найдя его там же, где я его и оставила. Арестовали и вдову, но она убедительно рассказывала, что всего-лишь сдала подвал знакомым умершего мужа, а когда ей сообщили, что

засорились трубы и придет магичка их проверить, провела ее и оставила одну — ее предупредили, что маги не любят, когда кто-то стоит над душой во время работы. Она клялась всеми Звездами, что больше ничего не знает. Ей, конечно, не поверили, но звучало складно. Пришлось отпустить, но пообещали приглядывать.

Теперь у брюнета выспрашивали имя его друга, но он молчал.

Я сообщила стражам, что совершенно не представляю, зачем бы я понадобилась этим господам, но меня стращали неким Титом — при этих словах я скромно потупилась. Стражи поняли правильно.

Блондина так и не нашли. С брюнетом оказались связаны еще какие-то темные дела, и мне дали знать, что свободу он увидит не скоро, но подробности разглашать отказались. Навестив маглекаря я залечила небольшие повреждения. Лекарь сказал, что мне повезло, и организм достаточно крепкий, так что, обошлось без последствий.

Демоны, Стивена нужно предупредить. Этот скрытный частный расследователь не назвал мне даже города в Шалпии, где его контора!

Наверняка знает Риви. Перед расставанием он ей сунул клочок бумажки, теперь я уверена, что там был его шалпийский адрес. Он сказал, что есть, кому ей помочь при необходимости — наверняка имел в виду себя. Но как написать самой Риви? Я не помнила ни улицы, ни номера дома. Городок маленький, можно отправить запрос в магистрат... Оставим этот шанс, если не получится никак больше.

Пока попробуем с другой стороны. Сколько частных расследователей имеет обе метки, синюю Шалпийскую и серую Риконбрийскую? И кто может об этом знать?

Может знать представитель шалпийского двора в графстве Байрок, но такие люди всегда в первую очередь шпионы, а потом уже представители. Кто знает, не сочтут ли они за лучшее включить меня и Стивена в какую-нибудь свою игру? Можно поискать в Байроканде частного расследователя. Где бы узнать о таких людях? Обратиться во Всеобщий Торговый банк — тот самый, чья метка красовалась на запястье Стивена. Сведения о клиентах они, конечно, не выдадут, но такой крупный банк, который действует в разных странах, может знать что-нибудь о шалпийских расследователях — наверняка банку приходится иметь с ними дела. Мне достаточно одного расследователя, а дальше я напишу ему и попрошу содействия в поисках коллеги.

Я вошла в отделение банка. Все клерки были заняты, но в дальней комнате скучал поверенный, который работал при банке. Эти люди держатся за свое место, очень денежное и очень престижное, поэтому хранить тайны будут даже пуще обычных поверенных. И еще у них наверняка есть нужные мне сведения.

Я попросила распорядителя отвести меня к поверенному.

— Чем могу помочь, госпожа...? — Виола Блум.

Поверенный странно улыбнулся. — Мэтр Злакин. Чем могу быть полезен, госпожа Блум? — Мне нужно найти шалпийского частного расследователя. У него право действий по всей Шалпии и право на обращение за помощью в Риконбрии. — Имя? — Господин Стивен Белт.

Все с той же улыбкой поверенный встал с кресла, прошел с одному из стеллажей, вынул папку, раскрыл ее на столе и выписал несколько строк. — Вот, возьмите, здесь его адрес в Шалпии. — И всё? Так просто? — Я была поражена. — Госпожа Блум, таких расследователей по всей Шалпии не больше двух дюжин. Порой они обращаются к нам, порой мы обращаемся с ним. Разумеется, у нас есть их адреса. — О... благодарю вас.

Я встала, и кивнув мэтру, направилась к двери. — Госпожа Блум, — окликнул он меня. — Да? — Разрешите дать вам совет не как поверенный самого большого банка этой части света, а как человек, который многое видел за свои полсотни лет. — О... да, конечно. — На молодых людей вроде господина Белта профессия накладывает свой отпечаток, и порой с ними бывает непросто. Многие дюжины клиентов будут до конца жизни благодарить его за помощь, но господин Белт заплатил за это некоторыми... м... несвойственными нашему кругу странностями. Если вы можете, будьте к нему чуть снисходительнее. — Благодарю вас, мэтр Злакин. Я обдумаю ваши слова.

Кажется, я знаю, кто выяснял для Стивена, все ли у меня в порядке. Разумеется, у поверенного такого ранга есть люди в университете. И он меня вспомнил.

Я зашла на почту и отправила Стивену письмо.

"Господин Белт, случайное стечение обстоятельств раскрыло меня перед знакомыми из Дифталта. Они столь настойчиво выпытывали у меня подробности, что сейчас ими занимается Байрокандская стража. Они не узнали ничего кроме того, что им подсказало сложившееся положение, но я не могу гарантировать, что не узнают впредь ни от кого другого.

Ваш друг, В.Б."

Надеюсь, этого Стивену будет достаточно, чтоб списаться с Байрокандской стражей. Я же постараюсь не выходить из университета до выпуска. Жаль, конечно, прогулок в городе, но работать мне больше не нужно, денег достаточно, а на втором курсе учиться еще одна магичка-магженер, которой я смогу передать своих клиентов.

Через две недели настали зимние каникулы. С утра пораньше я выбежала за ворота в булочную напротив, кинула монету мальчишке-газетчику, и теперь сидела с чашкой чая и свежей булочкой.

Газета, впрочем, была не такой благодатной, как полагалось бы прекрасным зимним утром. На первой странице бросалась в глаза статья о громком скандале среди высших чиновников сразу двух государств, которые покрывали пиратов и торговлю людьми. Этой осенью совместная флотилия Шалпии и Риконбрии бороздила два моря и океан в поисках пиратских кораблей. На двух островах обнаружили незаконную добычу дорогого камня и вывезли оттуда несколько дюжин изможденных людей. Прочитав об этом, я скрипнула зубами. На одном только острове Зеленого камня была пара сотен человек. Похоже, что теневые воротилы не собирались заботиться о людях в холода, особенно, когда судам непросто плавать по зимним ветрам. А весной они попросту завезли бы новых.

Я дочитала статью до конца и заварила успокоительный сбор. Картины моего недолгого пребывания на острове меня уже почти не тревожили, но эта статья всколыхнула воспоминания. Я выпила половину, когда меня вызвали запиской к воротам. Заподозрив ловушку, я попросила знакомых ребят проводить меня, но увидев нервно расхаживающую фигуру Стивена, кивнула им, что все в порядке.

Гладко выбритый, постриженный и причесанный Стивен в элегантном длинном пальто выглядел намного лучше, чем обросший карманник-каторжник или нелепый "профессор".

Едва я вышла за ограду, как Стивен кивнул в сторону наемного магоходного экипажа. В отличие от кэбрио он был полностью закрыт. — Госпожа Блум, прошу вас.

Он церемонно подал мне руку, помогая подняться на ступеньку, забрался сам, закрыл дверь и занавесил окна. Не успела я забеспокоиться, как он сгреб меня в охапку и прижался щекой, сбивая шапочку с моей головы. — Стивен!.. — Я чуть с ума не сошел, когда получил твое письмо. Что они с тобой делали? Ты написала: выпытать. Тебя пытали?

Я попробовала пожать плечами, но в руках Стива поверх шубки этого не получилось. — Немного побили. Зачем ты приехал? Я думала, ты напишешь в стражу. — Я забежал к ним, как только сошел с поезда. Они сказали, что сильных повреждений на тебе не было, но я же тебя знаю, ты не расскажешь всего. Я едва не рехнулся за эту неделю, пока мчался в Байроканд. Вдруг они тебя снова нашли, в каком ты состоянии, и что вообще они с тобой делали! Вдруг ты не выдержала издевательств... Виола, — он посмотрел мне в лицо, — что они делали? — Того, что ты думаешь, нет, не делали. Они решили, что магичку это не проймет, поэтому только били.

Когда я отправляла письмо, я не ожидала, что Стива оно так взволнует. А он приехал в Байроканд и целую неделю дороги представлял самые ужасные картины. Ох, нужно было написать подробнее.

Не разнимая объятий, он глухо проговорил: — Я идиот, нельзя было тебя в это впутывать. Но я был уверен, что на другом конце страны это безопасно. И тебе остался всего год учиться, потом ты вернешься в Шалпию... — Мы встретились с тем господином случайно. Но я опасаясь, как бы нас с тобой не связали. Кхм, Стивен, не мог бы ты меня отпустить? — Не мог, — ответил он, прижался еще раз к моим волосам и все-таки разжал руки. — Я разберусь с ними. Я уже нашел, чем припугнуть нашего коллекционера. Не хотелось пускать в дело такие грязные методы, но придется. Знал бы раньше... — Он вздохнул. — Опиши мне тех, кто тебя поймал. Они представились? — Да, но не уверена, что это настоящие имена. Один, как ты знаешь, арестован, второго так и не нашли. — Я найду, — мрачно пообещал Стив.

Я рассказала о встрече в кафе и о разговоре в подвале. Я даже не заметила, как Стив взял меня за руку, и тепло его рук помогло мне справиться с дрожью, когда я вспоминала удары по лицу, в бок, в живот... — Обещаю, их жизнь станет адом. — Как Риана? Это ведь ты? — Кхм... нет, Риана я лишь слегка наказал. Виола, я не прошу себе, что ты из-за меня пострадала. Но все-таки, что я могу для тебя сделать? — Ничего, — я постаралась улыбнуться. — Моей доли от дела вполне достаточно. Мне, действительно, больше не нужно работать, я свободна в деньгах, и еще останется немалый запас, когда вернусь в Шалпию. — Виола, если мы встретились вновь и ты не стремишься убежать сразу же, давай проведем вместе вечер. Обещаю, — он улыбнулся, — я буду вести себя настолько пристойно, насколько я могу. — И насколько ты можешь? — Я буду очень стараться. — Хм... — Я видел афишу концерта, потом посидим в ресторации... Пожалуйста.

Я не понимала себя. Еще недавно мне хотелось забыть его имя, а сейчас внутри расцветала радость от того, что я вновь его вижу. Вечер... в конце концов, один вечер... да, демоны, мне хочется провести с ним вечер, прежде чем вновь расстаться! — Хорошо.

Он прижал мою руку к губам. — Я заеду за тобой в пять вечера. — Только, прошу тебя, в кэбрио. — Хм. Хорошо.

Остаться с ним в столь небольшом закрытом пространстве мне все-таки было неловко.

Я быстро шла по дорожке к женскому корпусу и недоумевала, что я сейчас сделала?

* * *

Минни и Линда нещадно вертели меня туда-сюда, придирчиво осматривая платье из изумрудной тафты, которое я купила, когда подружки уломали меня сходить на вечеринку. Это платье было элегантно закрытым, что никого не удивит по зимнему времени. Лиф облегал, но не подчеркивал, рукава были чуть пышнее у плеча, а юбка обладала всеми положенными слоями. Минни принесла небольшую брошь: — Виола, появляться с кавалером и без украшений совершенно оскорбительно для кавалера. Ты все-таки на свидание собираешься, а не на лекцию в библиотеку. — Минни, он не мой кавалер, и у нас просто дружеская встреча, он мне помог добраться из плена...

Дружное хихиканье не дало мне договорить. — Ох, Виола, — Минни, фыркая, прицепила на меня брошь.

Я надела легкие осенние боты, достаточно изящные для того, чтоб пройти по паркету театра, и достаточно закрытые, чтобы пробежать по расчищенной от снега дорожке до ворот. Наряд довершила моя обычная темно-серая шубка, перчатки и шерстяная шапочка с меховой отделкой, к которой девушки прицепили еще одну брошь.

Линда и Минни сообщили, что ради моей безопасности они проводят меня до ворот, но совершенно очевидно было, что им хочется поглазеть на Стива.

Увидев меня, Стивен принял вид, будто помогает сесть в кэбрио самой королеве. От ворот донеслись девичьи смешки.

Не могу сказать, чтобы его галантность оказалась неожиданной. Все-таки, хорошо воспитанный господин нашего круга выполняет все предписанные шаги даже со случайной знакомой. Но что-то меня настораживало, что-то подсказывало мне, что Минни, возможно, была права. Слишком нежно Стивен брал меня за руку, когда выдавался приличествующий случай. Слишком долго задержал мои пальцы у губ, и целовал их, даже когда ситуация к тому не располагала. А его взгляд был каким угодно — игривым, ласкающим, нежным — но не обыкновенным. В театре, стоило мне, будучи захваченной разворачивающейся драмой, положить руку на подлокотник, как Стив тут же осторожно устроил на ней свою ладонь, а не встретив возражений, невзначай переплел наши пальцы.

Придется посмотреть правде в глаза: у нас со Стивеном свидание. При этой мысли что-то внутри радостно шевельнулось, я искоса глянула на него и улыбнулась. В ответ Стивен слегка сжал мои пальцы. Он воспринял мою улыбку как поощрение? Но что мне делать дальше?

Когда мы выходили из зала, Стивен едва ли не сиял. Поддерживая меня под локоток он помог выбраться из рядов кресел и даже позволил себе придержать за талию на ступеньках, впрочем, быстро убрав руку. Я сдержала внутренний смех: и полугодом не прошло, как он обвязывал вокруг меня фал и за подмышки мокрую втаскивал на борт. Но Стив-карманник и названная "сеструха", таящиеся на корабле — это одно, а господин Белт и госпожа Блум в театре — совсем другое. Интересно, где мы настоящие? — Как тебе пьеса? — спросил Стивен, когда мы влились в толпу ожидающих кэбрио пар. — Мужские мечты, — фыркнула я. — Хм... Вот как? Ты считаешь, что мы мечтаем броситься в огонь и получить тяжелые увечья? — Несомненно, некоторые мечтают о таком героизме, — рассмеялась я. — Но гораздо больше мужчин хотело бы иметь рядом преданную жену на двадцать лет моложе. — Которая, замечу, для начала сбежала из-под венца. — Потому что он ее обманул. — У него не было другого выхода! — О да, вы, мужчины, всегда найдете оправдание, — усмехнулась я.

Стивен наткнулся на мой ехидный взгляд и осекся. — Виола... — М? — Не убегай от меня больше, пожалуйста. Клянусь, я не стану тебя обманывать ни в чем.

В который раз за вечер он поднес мои пальцы к губам и не стал отпускать руку, не отрывая взгляда от моего лица. — Виола... я прощен?

Не успела я придумать ответ, как нас позвали — пришла наша очередь усаживаться в кэбрио. Подсадив меня, Стив проворно взобрался следом, сел совсем близко, натянул крышу пониже, крикнул вознице название ресторации и взял меня за руку. — Ты не злишься на меня? — У тебя такое мнение обо мне, что я могу провести вечер с мужчиной, на которого злюсь? — М... — он гладил мои пальцы и заглядывал в лицо. — Ты столько раз меня удивляла, что я уже начинаю привыкать к твоему неожиданному течению мыслей.

Я улыбнулась и решила больше его не мучить. — Нет, я на тебя не злюсь. Но надеюсь, у тебя не осталось таких важных для меня тайн. — Тайн нет, но есть один план. — Любопытно. — Я изложу его на десерт. — Ты решил отомстить мне за побег, — рассмеялась я.

Мы остановились, Стив сошел из кэбрио и огляделся. Пока мы ехали, пошел снег, и на мостовой лежал тоненький слой. Стоило мне опуститься со ступеньки, как Стивен подхватил меня на руки и пронес несколько шагов, которые отделяли нас от подъезда ресторации.

Ужин прошел на удивление мирно. Мы обсуждали студенческую жизнь, Стив припоминал забавные случаи из своей работы, и по молчаливому согласию мы не касались истории нашего путешествия — слишком много там опасных моментов.

Подали десерт, и поглядывая на Стива в ожидании я прикончила пирожное. Стив попросил принести еще десертного вина. Мы отпили из крохотных бокалов-тюльпанов на тонких ножках, и Стивен положил руку на мою. Его большой палец медленно пополз к моей ладони, принявшись осторожно ее поглаживать. Я оглянулась вокруг. Разумеется, никто не обратил внимания на подобное непотребство, а этот нахал загадочно улыбался. Кажется, я покраснела.

В этой ресторации столики стояли далеко друг от друга. Посетители говорили вполголоса и других не слышали, чем Стивен и воспользовался. — Тебя что-то смущает? — Ты! — тихо произнесла я. — И кажется, тебе это доставляет удовольствие? — Виноват, прекрасная госпожа. — Его палец пополз к запястью, а движения стали еще медленнее и еще... непристойнее. — Ты очень мило смущается, — он поглаживал мое запястье под рукавом, — и возмущаешься. — Потому что ты ведешь себя совершенно возмутительно! — А ты сверкаешь глазами так, будто я предложил тебе что-то совершенно непристойное. Хотя, признаюсь... — он замолчал, и провел глазами от моих губ до груди, где надолго задержался.

Я задохнулась от гнева, и слова застряли у меня в горле. Нет, господин поверенный из банка, это уже не просто странности. Что этот наглец себе позволяет! Я собиралась вырвать руку и вскочить, но другой рукой наглец вынул из кармана небольшую коробочку. — Признаюсь, я желаю с тобой всяческих непристойностей, поэтому предлагаю тебе стать моей женой.

Наглец откинул крышечку и протянул мне кольцо с рубином в виде сердца. Я перестала вырываться. Кажется, я даже дышать перестала. Я переводила взгляд с кольца на мужчину и обратно и не могла произнести ни слова. — Виола? — он наклонился губами к моей руке и поцеловал пальцы. — Ты согласна? — Я... я не знаю... — выдавила я.

С лица Стивена стекла улыбка демона-соблазнителя, и эта наглая физиономия вытянулась в полном изумлении: — Как... как не знаешь? Виола!

Я отняла руку и пожала плечами. — Виола... — прошептал он совершенно упавшим голосом. — Стивен, между нами все так... странно. — Что странно? Виола, мы столько прошли вместе! Мне казалось, я тебе интересен... — Ты очень странно на меня действуешь, — призналась я. — Ты меня смущаешь, ты... я не знаю. Я не готова дать тебе ответ. — А когда ты будешь готова?

Я снова пожала плечами: — Завтра? — Хорошо. Отвезти тебя в университет? — Да, я буду тебе благодарна.

Ни слова ни говоря, он встал, бросил на стол горсть монет и провел меня к гардеробу, где помог накинуть шубку. Мы вышли на улицу, и Стив взмахом руки подозвал кэбрио. Снега уже порядочно намело, поэтому он подхватил меня на руки и донес до сидения, невзирая на мой протестующий писк. Сев рядом, он крикнул вознице: "Университет" — и надвинул крышу пониже.

Я смотрела в сторону, провожая взглядом фонари, вокруг которых кружился снег. Мы молчали.

Привлекал ли меня Стив? О да. Волновал ли он меня? Несомненно. Но думая о нем я не могла не помнить этот скользкий по обнаженной груди взгляд, и мне хотелось взять каучуковый ластик и стереть неловкий момент из жизни насовсем. Он помогал мне, он спасал меня, и... смущал, дразнил, не упускал случая сказать мне что-нибудь на грани скабрёзности. Он ни разу не тронул меня против моей воли, но взгляд... и слова...

Когда мы расстались, я почувствовала пустоту, но и облегчение, что теперь можно забыть серые глаза, которые исследовали мои округлости, и руки, которые вели меня в вальсе. Да, я чувствовала облегчение и... сожаление.

Когда он появился, будто вернулось что-то, чего мне сильно недоставало. Весь вечер Стив не давал мне возможности уйти в свои мысли, закружив в хороводе новых впечатлений. Но сейчас снова всколыхнулось смущение и возмущение. Ах, почему с ним так сложно! Нет, это невозможно.

Я рискнула повернуться к нему и посмотреть на непривычно серьезный профиль: — Стив, прости, я не могу стать твоей женой.

Я выдержала его взгляд, когда он ответил: — Что ж, если это твое решение, я не могу настаивать. Я больше не стану искать с тобой встреч, как бы мне этого ни хотелось. Если мне понадобится убедиться, что с тобой все в порядке, я это сделаю издалека. Только скажи, Виола, ответь честно: ты готова больше никогда меня не увидеть? Ты хочешь, чтобы я исчез из твоей жизни? Чтобы я больше никогда не появлялся рядом с тобой, и сегодняшнее свидание было последним? Чтобы мы попрощались навсегда?

К горлу подкатил комок. Навсегда... Навсегда... Я отвернулась и молча смотрела на деревья, которые

покрывались снегом. — Виола?

До университета осталось совсем немного. Уже виднелись кованые ворота. За ними дорожка, ведущая к корпусам. Меня высадят у калитки, и я побегу к себе в комнату, оставив Стива за спиной навсегда. Навсегда. Навсегда. — Виола, мы сейчас прощаемся, и всё. Ты действительно этого хочешь? Пожалуйста, ответь да или нет.

Ворота приближались. Еще немного... — Виола? Мы прощаемся? — Нет! — Я сама испугалась звука своего голоса.

Справа послышался полурык-полустон. Кэбрио остановился у ворот. Пора выходить, но Стивен снова заговорил: — Ты хочешь встречаться со мной как с другом? Прости, но мне будет тяжело, потому что я хочу видеть тебя в ином качестве.

Я покачала головой. Нет, как друга... Нет.

Почему он продолжает расспросы? Неужели он не понимает, что я сама не знаю, чего хочу?

Демоны! Мне было проще решиться на побег с острова Зеленого камня, чем понять, что мне делать теперь!

Я ожидала, что Стивен выйдет и подаст мне руку, высаживая из кэбрио, и все решится само собой, но он не двигался. Будто подслушав мои мысли, он спросил: — Виола, чего хочешь ты?

Я ответила честно: — Не знаю. — Кхм.

Стив стукнул в крышу кэбрио. — Да, господин? — отозвался возница. — Гостиница на улице Зеркальщиков. — Слушаюсь, господин.

Возница тряхнул вожжами, и кэбрио покатился вдоль забора университета. — Куда мы едем? Зачем? — поинтересовалась я. — Ко мне в номер. Выяснить отношения лучше в тепле. — У нас есть отношения? — я так удивилась, что даже забыла возмутиться. — Да, — припечатал Стивен и больше ничего не сказал.

После размышлений и метаний я чувствовала себя, как лимон, выжатый торговцем в третьесортном трактире. Поэтому я покорно вышла из кэбрио и доехала до дверей гостиницы на руках Стива. В зеркалах на стенах холла отразился решительно сжавший губы мужчина и девушка с растерянным взглядом.

Стив пропустил меня вперед, и я поднялась по мраморной лестнице, устланой ковром, подмокшим от заснеженной обуви постояльцев, и сама не заметила, как оказалась в номере, где Стив так же молча зажег лампу в полсилы, снял с меня шубку, сам скинул пальто, сюртук и наклонился расшнуровать мои боты. Когда я осталась в чулках, он перенес меня на пушистый ковер, а сам прошел к умывальнику в углу. Он нажал на артефакт и подставил руки под струю воды. Набрал горсть, он плеснул себе в лицо, потом снова и снова.

Я стояла посреди номера не понимая, зачем я сюда пришла, и что собирается делать этот невозможный мужчина. Да, он смущал меня... Но... признаемся честно, когда парень с лекарского попытался проделать тот же трюк с поглаживанием запястья, я ничуть не стесняясь ответила ему, что если он хочет кого-нибудь погладить, на столах в прозекторской он найдет благосклонный материал. А за скабрёзности моих попутчиков в поезде я готова была раскалить перстень одного и цепочку на шее другого.

Со Стивеном я могла лишь замирать и краснеть.

Стив вытер лицо и руки, отбросил полотенце, и вот уже он рядом со мной. Он заглянул мне в глаза: — Начнем заново. Ты хочешь, чтобы я исчез из твоей жизни? — Нет... — я сама еле расслышала, что сказала, но Стивен кивнул, и его руки опустились на мою талию. — Ты готова забыть меня? — Н-нет... — произнесла я одними губами, и Стивен положил руку мне на затылок, проведя кончиками пальцев по шее. Я совсем немного выпила этим вечером, но почему-то комната начала кружиться. — Ты готова оттолкнуть меня?

Я не смогла ответить, лишь провела языком по пересохшим губам, которые Стив тут же накрыл своими.

Кажется, я цеплялась за его шею. Или я его обнимала? Пол ехал под ногами, и я упала бы, если бы Стивен не обнимал меня, крепко прижимая к себе.

Оторвавшись, он задал новый вопрос: — Ты готова сказать мне, чего ты хочешь? — Н-нет.

Чтобы сказать, нужно знать. Чтобы знать, нужно думать. Но думать у меня получалось слабо.

Стивен снова принялся меня целовать, а его рука спускалась по спине, очень странно спускалась. Я не смогла отказать себе в удовольствии провести ладонями по его плечам. Стив оторвался и посмотрел на меня совершенно шальным взглядом: — Ты готова послать меня к демонам?

Я ничего не ответила, и Стивен снова коснулся моих губ, переместился на шею, на плечо... отодвигая лямку камисоли, а платье... где платье... где-то на талии... нет, ниже, там, где внутри соприкоснулся горячий узел. Руки Стивена помогли мне выпутаться из рукавов, и шурша изумрудной волной платье осело на пол. Мужские губы обжигали кожу под шелком на груди. Я едва удержалась, чтоб не застонать. Жилет Стивена отлетел в сторону, моя нижняя юбка присоединилась к платью, оставив меня в камисоли и коротеньких панталонах.

Стивен снова целовал меня, а я обнимала его, запуская пальцы в волосы, рубашка Стивена куда-то делась, и лишь когда он избавил меня от камисоли, я поняла, в каком виде я перед мужчиной, но одна его рука обняла меня за талию, вторая заскользила по моим округлостям, сметая всё стеснение к демонам, а серые глаза горели

нездешним пламенем. Он прижал меня к горячей груди, склонился к уху и медленно, растягивая звуки прошептал:

— Перс-сики... Ты хочеш-шь уйти-и?

Клятые демоны... Этот многообещающий шепот... Раньше, чем осознала вопрос, я едва слышно произнесла:

— Нет...

Я открыла глаза и пошевелилась. Одеяло сползло до талии, мужская рука укрыла ту часть, которую я считала непривлекательной, а Стив в личине воина-развратника пожирал глазами. Кажется, вчера он снова... пожирал. И не только глазами. Я попыталась выбраться из мужских рук, но Стивен недовольно заворчал и притянул меня ближе.

Наши немногие свидания с Рианом проходили в темноте, а утром я вскакивала и одевалась, пока он не проснулся. Но вчера Стивен отказался полностью выключать лампу, а встать утром и сбежать в ванную он не дал мне возможности. Меня перевернули на спину и поцеловали. — С добрым утром... М-м, Виола! Клянусь, тебе совершенно нечего стесняться!

Он отвел мои ладони и действиями выразил свой восторг. Если я и собиралась смущаться дальше, то у меня не было бы сил, я лишь перебирала пальцами волосы Стивена, прикрыв глаза.

Я не заметила, когда он надел мне кольцо на палец, и с удивлением смотрела на красный камешек в виде сердца на золотом ободке. — Стив! Я же не давала согласия. — Ты отказываешься? — серые глаза смотрели на меня со смешливым укором. — М... — Не пугай меня так, бессовестная, — он обнял меня, уткнув меня носом в свою грудь, звонко шлепнул, а когда я взвизгнула, приподнялся и поцеловал на месте шлепка. Все-таки он невозможно бесстыжий.

Он не собирался выпускать меня из кровати весь день, намеревавшись заказать еду в номер, но я запротестовала. Хотелось в ванную и на свежий воздух. — Что ты предлагаешь, — спросил Стив, когда я зашнуровывала сапожки: — сначала позавтракаем, или ты думаешь заехать за вещами в университет? — За вещами? какими? — Полагаю, ты захочешь переодеться. — Когда твой поезд? — Дней через шесть. Ты возвращаешься к учебе через неделю, не так ли? Я продлю этот номер.

И пока приходила в себя, подал мне шубку.

У входа в гостиницу он собирался позвать кэбрио, но я его остановила: — Постой. Через дорогу аптека, мне нужно ненадолго зайти. — Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? — всполошился Стив. — Нет, — я покачала головой, и собравшись с духом, сказала. — Стив, мне учиться еще полгода. И бросать я не собираюсь. К тому же, мы еще не женаты. Мне нужно определенное зелье. — О. Прости меня, я сам должен был подумать об этом. Конечно. — Но ты подождешь снаружи!

Стив усмехнулся, но кивнул.

Засушенная аптекарша средних лет выслушала заказ и поджала губы, окинув красноречивым взглядом мое вечернее платье с утра. Но увидев на пальце традиционное кольцо, смягчилась и принесла мне стакан воды, чтоб запить неприятный вкус.

Мы заехали в университет, чтобы я могла сменить наряд на повседневный и собрать вещи. Подружки были тут как тут и помогли мне быстро улечься. Кольцо они, разумеется, тоже заметили. Минни подпрыгивала и хлопала в ладоши.

После завтрака Стив нанял кэбрио, и мы поехали в парк на Зимнепраздник, устроенный для горожан. Мы смотрели танцовщиков на льду, мы кричали и хлопали, когда команда молодых людей штурмовала снежный замок, мы съели горячие пирожки и запили глёмом, и Стив увлек меня кататься на саях. — Ужасная шубка. — М? Шубка как шубка. — Слишком толстая. На тебе возмутительно много слоев, — прошептал Стивен, проникая под рукав, и я немедленно вспомнила, что эти пальцы вытворяли в моих тайных местах.

Удивительным образом то, что еще вчера заставляло меня негодовать, сегодня вызывало жар и совершенно непристойные мысли о возвращении в гостиницу.

* * *

Всего за неделю моя жизнь перевернулась. Я окончательно смирилась с тем, что понятие стыдливости Стиву совершенно незнакомо, и на третий день обнаружила, что лежу на кровати без каких-либо покровов при свете дня и сама наблюдаю за Стивом, который расхаживает по комнате, не озаботившись одеждой.

Тем страннее было его превращение в щегольски одетого респектабельного господина из "сливок общества", когда мы выходили гулять. Он и меня решил переодеть, затаскив в модные лавки, и после возмущений и препираний мы сошлись посередине между моими студенческими платьями и нарядом "ассистентки профессора" в Дифталте. Зато Стивен отыгрался в выборе выходного платья и в холле оперы довольно скалился.

Неделя пролетела, и мне пора было возвращаться к учебе. Стивен обещал за оставшиеся полгода познакомиться с моими родителями, а в день выпуска он непременно будет здесь, и в Шалпию мы вернемся вместе.

Мой жених (о Звезды, мой жених!) не дал мне возможности проводить его на вокзале. Он высадил меня у университетских ворот с коробкой сдобы и сладостей и попросил пока не мелькать в городе одной — для разрешения

проблем с коллекционером ему нужно некоторое время. Он уже разослал нужную корреспонденцию, но все равно волновался за меня. Подозреваю, что по дороге к вокзалу он зайдет к стражникам поговорить об этом деле. Я чувствовала себя спокойно.

Вечером первого дня последнего полугодия мы с Минни и Линдой сидели за чаем с булочками. Я пересказывала свою историю, умолчав о некоторых особенно смущающих моментах. — Погоди, погоди. Парень таскал тебе ведра с водой и тряпки, а ты еще нос воротила? — Минни от возмущения аж отставила чашку с чаем. — Ну ты даешь. Поверь потомственному аптекарю, большинство мужчин, едва стоит женщине захворать, стараются убраться куда подальше, а уж про такие дни и слышать ничего не желают. — Матушка учила меня, что мужчины и не должны ничего знать. — Пф... У тебя уже был такой, который думал только о себе. Знаешь, Виола, — сказала Минни задумчиво, — все же отправь букет Риану. — М? Что ты имеешь в виду? — С запиской "Благодарю, что избавил меня от будущности с тобой".

(Десять лет спустя)

Детей удалось уговорить, и они мирно посапывали в кроватках. Нянька тоже уснула, и я была предоставлена самой себе. Стив обещал сегодня вернуться, но возможно, заботы о высокопоставленных визитерах его задержали. Интересно, зачем для обеспечения безопасности Двора Риконбрийских монархов понадобился частный расследователь? Королевская чета Риконбрии собиралась остановиться в нашем городе всего на два дня по пути в столицу Шалпии, но за эту неделю Стив не каждый день ночевал дома, а последние три дня не появлялся вообще.

Я вернулась в кабинет и принялась дочерчивать часть механизма. Обычно я не работаю допоздна, но сейчас хотелось чем-нибудь себя занять.

Послышался стук копыт, ржание, голоса — Стив!

Стукнула дверь, я сбежала вниз. — Осторожнее, я мокрый, шел дождь, но я решил не задерживаться.

Поздно, я уже повисла на шее вымокшего мужа. — Ужин? Чай? Ванну? — Ванну, вино и прекрасную женщину! — выбрал муж, и я ушла в кухню, чтоб вскоре присоединиться к нему в ванной с двумя кружками горячего вина.

Присев у бортика я смотрела, как благоверный намыливает плечи. — Должен тебе сказать, что я бы легко променял эту работку на расследование десятка ограблений. — Неужели на Его Величество Оливера покушались? — Нет, но Ее Высочество Мадлен унаследовала авантюрный характер Ее Величества Азалии, а в двенадцать лет это чревато. Я дважды ловил ее за пределами охраняемого квартала. Как ей удавалось пробраться, не представляю. А знала бы ты, какие слова она мне говорила, когда я вел ее обратно. — За ухо? Помню, это твоя специализация. — Нет, не за ухо, но очень хотелось. Хорошо, что она родилась после брата. Иначе Риконбрии не позавидовать. — Рано или поздно ее выдадут замуж. — О да, полагаю, придется риконбрийцам выбрать какое-нибудь недружественное государство.

Стив отсалютовал мне бокалом: — За авантюрных дам! — и подмигнул.

Я допила свой бокал и почувствовала, что чья-то наглая рука развязывает пояс на моем халате. — Стивен? Что ты делаешь? — Собираюсь пригласить присоединиться ко мне одну милую авантюристку. — Я не... ой! — Ты да, — прошептал мне в ухо этот наглец, утягивая в воду.

Больше книг на сайте - Knigoed.net